Евгений Жаринов

ПАДШЕЕ Просвещение

Тень эпохи

Классика *лекций*

Евгений Викторович Жаринов

Падшее Просвещение. Тень эпохи

Серия «Классика лекций»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63432236
Падшее просвещение. Тень эпохи: Издательство АСТ; М.; 2021
ISBN 978-5-17-126709-4

Аннотация

У каждой эпохи есть и обратная, неприглядная сторона. Просвещение закончилось кровавой диктатурой якобинцев и взбесившейся гильотиной. Эротомания превратилась в достоинство и знаменитые эротоманы, такие, как Казанова, пользовались всеевропейской славой. Немодно было рожать детей, и их отправляли в сиротские приюты, где позволяли спокойно умереть. Жан-Жак Руссо всех своих законных детей отправлял в приют, но при этом написал роман «Эмиль», который поднимает важные проблемы свободного, гармоничного воспитания человека в эпоху века Разума. Тень эпохи следует по пятам за веком Просвещения. И об этой теневой стороне не принято говорить открыто.

Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Тень Просвещения 7
Глава I 18
Гримаса первая. Лиссабонское землетрясение 18
Последствия катастрофы 23
Гримаса вторая. Жеводанское чудовище 33
Хронология событий 37
Лох-несское чудовище 44
Гримаса третья. Уроды 47
Цирк уродов и век Просвещения 56
Гримаса четвертая. Дети-Маугли эпохи Разума 60
Дикий мальчик из Авейрона: история Виктора 65
Глава II 75
Выбор меридиана 78
Появление науки геологии 98
История развития сейсмологии 104
Промышленная революция эпохи века Разума 106
Создание криминалистики 111
Глава III 123
Маркиз де Сад 126
Франсуа-Тимолеон де Шуази (1644–1724) 135
Джакомо Казанова 146

Биография 147
Граф Калиостро 159
Основные приемы графа Калиостро, с помощью которых он воздействовал на людей 178
Граф Сен-Жермен 182
Семилетняя война 189
Алхимия и другие проекты. Двойники и подражатели 192
Сен-Жермен и тайные общества 196
Конец ознакомительного фрагмента. 198

Классика лекций

Евгений Викторович Жаринов
Падшее просвещение. Тень эпохи

© ООО Издательство АСТ, 2021

ВРЕМЕНА
Издательство АСТ

Тень Просвещения
Вместо введения

Почему именно Тень Просвещения? Разве само слово Просвещение не означает Свет? Разве эпоха Разума не предполагает ясности и безупречной логики? Не предполагает Порядка как чего-то абсолютного и непоколебимого? Тень же – это всегда нечто непознаваемое, непредсказуемое, это хаос. Что за оксюморон? Либо Тень, либо Свет, то есть Просвещение? Но парадокс здесь заключается в том, что именно в эпоху Просвещения, которую мы еще со школьной скамьи привыкли воспринимать как нечто яркое и светлое, как сам Свет, в этой эпохе Разума присутствует и его обратная, неприглядная сторона. Ученые, работавшие во франкфуртском Институте социальных исследований (1923–1950), писали в 1944 году в работе «Диалектика разума»: «У Европы есть две истории: одна из них – писаная и хорошо известная, другая – подспудная. Она определяется действием человеческих инстинктов и страстей, подавляемых и извращаемых цивилизацией».

Длительное время ученые изучали порядок и беспорядок в разных «департаментах» исторического знания. Общественный порядок как безусловное благо и ценность исследовался преимущественно в русле институциональной исто-

рии, а беспорядок, понимаемый негативно, как антипод порядка, был важнейшим объектом истории социальной.

Переосмысление взаимосвязи порядка и беспорядка, а также более основательное изучение каждого из них позволили понять, что «один включает в себя другой». Нобелевский лауреат И.Р. Пригожин видел в этой констатации «главное изменение, которое происходит в нашем восприятии универсума сегодня». Глобальная тема порядка-беспорядка имеет и непосредственное экзистенциальное значение, она проявляется в таких мелочах, как исторический быт.

Возьмем для примера простой каблук, который именно в XVIII веке приобретет особое значение. Необходимо принять во внимание, что тогда нигде не существовало тротуаров, что даже улицы были в большинстве случаев немощеные, в лучшем случае мостились лишь некоторые (главные) из них, все же остальные в продолжение года были покрыты грязью, превращавшейся после каждого дождика в огромные бездонные лужи. Нечистоты выбрасывались за дверь даже еще в XVII в., и так как уборные существовали лишь в немногих домах, то люди обычно справляли свои естественные потребности на улице. Поэтому даже на мощеных улицах протекал мутный ручеек нечистот. В знаменитом королевском Версале аристократы за неимением достаточного количества отхожих мест мочились прямо на стены дворца и в углах парадных лестниц. Естество брало свое. Так обстояло дело и в XVIII в.

При таких обстоятельствах подставка под башмаком была необходимым аксессуаром и ее применение вполне понятно. Именно в XVIII веке, в эпоху Просвещения, мода на духи, как женские, так и мужские, станет подобна эпидемии. За экзотическими запахами будут охотиться, этим запахам начнут приписывать чуть ли не магические свойства. XVIII век был эпохой сильных ароматов, тем более, что отсутствие гигиены не располагало к легким и тонким духам. Что и говорить, мылись тогда даже меньше, чем в Средневековье. Фаворитами были стойкие запахи, усиленные с помощью амбры и туберозы, жасмина и флердоранжа. Жеманницы неумеренно используют флорентийские мази с ирисом, испанский воск с жасмином и «кипрскую воду», содержащую в больших количествах ваниль, амбру, мускус и ирис. Неистовство ароматов завладело эпохой: благоухают подушки, веера, бумага для писем, парики, мыло, медальоны с изображением святых и даже пепел, которым посыпали голову в первый день поста. Под чистотой в эту эпоху подразумевалось пудриться, душиться, пользоваться мазями, натирать кожу ароматной водой, освежать дыхание с помощью амбры или гвоздики. Постепенно крепкие запахи начали уступать место более нежным, с выраженным цветочным оттенком. Популярными становятся гесперидные ароматы (семейство цитрусовых), травяные ароматы (например, запахи герани и мелиссы). В XVIII веке в парфюмерии появляются звезды: Фаржон, Любен, Убиган. В середине XVIII века создается оде-

колон.

Но здесь стоит вспомнить самое начало знаменитого романа Зюскинда «Парфюмер»: «В городах того времени стояла вонь, почти невообразимая для нас, современных людей. Улицы воняли навозом, дворы воняли мочой, лестницы воняли гнилым деревом и крысиным пометом, кухни – скверным углем и бараньим салом; непроветренные гостиные воняли слежавшейся пылью, спальни – грязными простынями, влажными перинами и остро-сладкими испарениями ночных горшков. Из каминов несло варевом, из дубилен – едкими щелочами, со скотобоен – выпущенной кровью. Люди воняли потом и нестираным платьем; изо рта у них пахло сгнившими зубами, из животов – луковым соком, а их тела, когда они старели, начинали пахнуть старым сыром, и кислым молоком, и болезненными опухолями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Воняли крестьяне и священники, подмастерья и жены мастеров, воняло все дворянское сословие, вонял даже сам король – он вонял как хищный зверь, а королева – как старая коза, зимой и летом. Ибо в восемнадцатом столетии еще не была поставлена преграда разлагающей активности бактерий, а потому всякая человеческая деятельность, как созидательная, так и разрушительная, всякое проявление зарождающейся или погибающей жизни сопровождалось вонью.

И разумеется, в Париже стояла самая большая вонь, ибо

Париж был самым большим городом Франции».

Но давайте для начала вспомним об основных принципах Просвещения. Да, в эту эпоху дурные запахи старались перебить сильными ароматами; да, нечистоты встречались повсюду; да, Просвещение закончилось кровавой диктатурой якобинцев и взбесившейся гильотиной; да, это был век, в котором эротомания превратилась в достоинство и знаменитые эротоманы, такие, как Казанова, например, пользовались всеевропейской славой; да, это была эпоха, когда немодно было рожать детей, и их отправляли в сиротские приюты, где позволяли спокойно умереть; да, знаменитого энциклопедиста Даламбера мать-аристократка подбросила к воротам церкви, а Руссо всех своих законных детей отправлял в приют, совершенно не заботясь об их воспитании, но при этом написал самый знаменитый роман «Эмиль», который поднимает важные проблемы свободного, гармоничного воспитания человека в эпоху века Разума. Все так. Эта Тень действительно сопутствует, следует по пятам за веком Просвещения. И об этой теневой стороне не принято говорить открыто. О ней знают лишь специалисты, а лекторы в студенческой аудитории даже и не упоминают. Официально Просвещение почти всегда представляется в положительной коннотации. Почему? Человечество нуждается в идеалах, даже если эти идеалы – плод нашего воображения, нашего желания выдать желаемое за действительное. И таким идеалом является Разум. Еще с эпохи античности титан Прометей дал

людям Огонь. Именно Огонь и яркий Свет, отбрасываемый пламенем, должны были сравнять людей с богами, за что и поплатился титан, оказавшись прикованным к горам Кавказа, и орел должен был выклевывать ему печень. А почему Разум? Да потому, что человеческая природа по сути своей неразумна. Разум требует от человека, чтобы он постоянно «по капле выжимал из себя раба». Разум отличает человека от животного. Разум и делает нас Homo Sapiens, то есть существами разумными. И в этом смысле эпоха Разума, эпоха Просвещения – это прямая декларация того, что человек окончательно доказал свое стремление принадлежать больше культуре, чем животному началу. Но все ли вышло у знаменитых просветителей, действительно ли человек и человечество смогли вырваться на просторы Чистого Разума, или, согласно Канту, неизбежно должна была появиться Критика этого самого Чистого Разума? Вот этой проблеме и посвящена данная книга.

Начнем с того, что представим в кратком изложении основные принципы, заявленные данной эпохой. Вот они:

• Безграничная вера в человеческий разум, основным идейным содержанием эпохи становится рационализм.

• Возможность перестроить общество на разумных основаниях. Вера в прогресс, характеризующийся историческим оптимизмом. Эпоха Просвещения по праву может быть названа «золотым веком» утопии.

• Секуляризация общественного сознания. *Секуляриза-*

ция (лат. – saecularis – светский) – освобождение от церковного влияния в общественной и умственной деятельности, в художественном творчестве; изъятие чего-либо из церковного ведения и передача в руки светских властей.

• Идея равенства всех людей перед законом, перед человечеством – одна из главных идей эпохи Просвещения. Теория естественного права исходила из представления о прирожденном равенстве людей, идеологически обосновывала демократические свободы. Теория общественного договора говорила о том, что государство не божественное установление, а институт, возникший путем заключения договора между людьми. Эта теория давала народу право лишить государя власти, если он нарушил условия договора и плохо охранял естественные права граждан. Некоторые из просветителей возлагали надежды на «просвещенного монарха» – идея просвещенного абсолютизма.

В соответствии со всей системой взглядов просветителей, с верой в великую преобразующую силу разума находилось их особое внимание к проблемам воспитания: идеи решающего влияния среды на воспитание, природного равенства способностей, необходимости соответствия воспитания человеческой природе и естественным склонностям ребенка и т. д.

Для этой эпохи также была характерна вера в естественного человека. Она исходила из культа Природы. Идеологом этого направления считается Жан-Жак Руссо. По убеж-

дению философа, цивилизация развращает нравы людей, и спасение от нее возможно лишь через возврат к «естественному состоянию» общества. Руссо выдвинул лозунг «Назад, к природе!», – призывая воспитывать в людях нравственную неиспорченность, естественность и добродетель, другие положительные качества. Источником уникальности творческой личности является бесконечная творческая сила природы, в лоне которой рождается человек. Руссо пытается соотнести в духе европейской философии того времени страсти и разум, инстинкт и культуру. Теологическое понимание природы основано на признании творческой силы природы, происходящей от ее божественной сотворенности. Руссо подчеркивает, что для «естественного» человека характерны не только физическая сила и здоровые инстинкты, но и склонность к состраданию, основанная на себялюбии, миролюбие, определенное удовлетворенностью примитивного набора потребностей, а также уникальная свобода от каких бы то ни было условностей, свобода следовать голосу инстинкта или сопротивляться ему. Философ подчеркивает, что уже на стадии естественного развития в природную сущность человека включено стремление к самосовершенствованию. Руссо идеализирует «дикаря» как существо, которое еще не знает частной собственности и других достижений культуры. «Дикарь», по мнению Руссо, – это существо добродушное, доверчивое и дружелюбное, а вся порча идет от культуры и исторического развития. Только государство, согласно Руссо,

может осуществить идеалы «естественного состояния», какими он считает идеалы Свободы, Равенства и Братства. Но государством, способным осуществить эти идеалы, у Руссо может быть только республика.

Однако в этой книге Просвещение предстанет перед нами в своем противоречивом значении. И если Разум как основная составляющая этого века утверждается всеми философами эпохи, то где могли быть границы этой самой разумности, границы, за которыми начиналось уже царство Тьмы, царство Безумия, которое так полюбят пришедшие на смену просветителям романтики? Не случайно же современные философы говорят о кризисе европейской рациональности. Этот кризис дает знать о себе в так называемой постмодернистской парадигме. Но не возник ли этот кризис уже тогда, когда все были увлечены Светом? Ведь чем ярче горит свеча, тем гуще тьма. Вот этой Тенью, отбрасываемой эпохой Просвещения на всю дальнейшую историю Европы, мы и займемся в данной книге. С чего начнем?

Если Просвещение – это эпоха Разума, то естественно возникает вопрос: а разве только в XVIII веке Разум оказался в центре всеобщего внимания? Конечно нет. Разум восхвалялся во Франции и во второй половине XVII века, в эпоху правления Людовика XIV, Короля-Солнца. Классицизм и Просвещение имели немало общих черт. И, прежде всего, именно культ Разума объединял эти два явления в европейской культуре. Не стоит забывать, что именно при дворе Ко-

роля-Солнца находился один из создателей ньютоно-картезианской парадигмы Рене Декарт, определявший Разум как одну из основ бытия («Я мыслю, значит, я существую»). Именно этот философ говорил о необходимости сомнения в любой догматике, и сомнению этому должны были подвергаться все устои. Он заложил основы науки Нового Времени. Ньютоно-картезианская парадигма просуществовала долгие 300 лет и дала немало научных открытий миру. Просвещение и классицизм роднит также такое явление, как абсолютная монархия, которая возникла во Франции именно в XVII веке. Просвещение предполагало так называемый просвещенный абсолютизм, но абсолютизм, то есть такую социальную систему, которая возникла еще при кардинале Ришелье и продолжила свое существование в Версале. Конечно, Просвещение – это не абсолютизм, а, скорее, наоборот. Естественным завершением всего XVIII века станет Великая Французская Революция, во время которой Людовику XVI отрубят голову. Но стремление просветить монархов было свойственно и Дидро, и Вольтеру, которые переписывались с Екатериной II, а последний даже жил при дворе Фридриха, прусского короля, явно предполагая осуществить собственными силами некий социальный эксперимент.

Следовательно, совершенно справедливо, на наш взгляд, будет учитывать в этой книге и эпоху Людовика XIV, эпоху классицизма. Главной целью этого сочинения будет как раз Разум и Рациональность, которые всегда отбрасывают,

согласно законам диалектики, густую тень Безумия. Идеализируя Природу, просветители, по сути дела, наступали на грабли, и результат не давал себя долго ждать.

Вот по этой причине мы и начинаем книгу с описания самого настоящего Апокалипсиса, который случился в Европе еще в 1775 году при жизни того же Вольтера и Руссо. Они в своих произведениях говорили о власти Света и Гармонии, о разумной Природе. Говорили о естественном человеке, призывали вернуться назад в первобытное состояние, лозунг «назад к природе» был тогда необычайно популярен и даже в роскошных имениях аристократов всегда должен был быть выстроен Эрмитаж, или хижина для отшельника, где любил у своих богатых знакомых проводить время сам Жан-Жак Руссо, властитель дум целого поколения, «защитник вольности и прав». Но именно Природа и преподнесла мыслителям жестокий урок, став серьезным испытанием для поборников всесильного Разума. Именно сама Природа показала людям, насколько она далека от их представлений как о чем-то гармоничном и Светлом. Матушка Природа и написала, можно сказать, первый реальный роман ужаса. И начнем мы свой рассказ с Лиссабонского землетрясения.

Глава I
Гримасы Природы

Гримаса первая.
Лиссабонское землетрясение

Попробуем восстановить хронику событий.

До рокового дня сама Природа пыталась предупредить людей о надвигающейся катастрофе. Описано, что многие животные предчувствовали опасность и стремились забраться на возвышенности до прибытия воды. Но никто из живущих тогда в Лиссабоне жителей на обратил должного внимания на эти знаки надвигающейся катастрофы. Город продолжал жить своей обычной жизнью и готовился к большому религиозному празднику, ко Дню Всех Святых. Это была суббота 1 ноября 1755 года. Стояла солнечная погода. В лучах ласкового теплого солнца с самого утра все церкви города были забиты: люди толпились и в боковых нефах храмов, и на их ступеньках. Священники были уже в белых ризах по случаю праздника. Свечи на алтаре едва слышно потрескивали, их пламя колыхалось.

Аллегория Лиссабонского землетрясения, Joao Glama Stroberle

Почти одновременно церковные хоры в разных частях Лиссабона мелодично затянули: Gaudeamus omnes in Domino, diem festum… Вдруг пламя свечей покачнулось. Еще раз и еще. Кто-то схватился за стоявшую спереди скамью. Толчки не прекращались. И тут свечи начали опрокидываться.

Вспыхнули бумажные цветы, загорелись алтарные покровы. Статуи святых последовали примеру свечей: они начали падать прямо на головы молящихся. В возникшей суматохе едва ли кто-то заметил, что зазвонили колокола. Они звонили сами собой. Башни звонниц начали качаться из стороны

в сторону «*как пшеничное поле от легкого ветра*», – заметит впоследствии капитан корабля, чье судно в это время покачивалось на волнах у самого берега.

В это же время один из монахов не спеша брился перед торжественным богослужением, которое должно было начаться ровно в 10 часов утра. Оставалось не больше пятнадцати минут. Неожиданно раздался какой-то рев, и земля буквально заходила под ногами. В одно мгновение монах выпрыгнул из окна первого этажа и оказался на улице. Толчки продолжались секунд шесть, не более. Но секунды эти показались вечностью. А в церкви начало твориться нечто невообразимое: обезумевшие от ужаса люди кинулись к выходу, но были и те, кто остался, продолжая исступленно молиться. Похолодевший от ужаса монах, Ноэла Портал, почувствовал приближение смерти. Он увидел, как обрушилась часть дома Милосердия, где жил его друг Антонну Фернандиш. Нырнув в облако пыли, Портал стал продвигаться наощупь, нашел дверь и открыл ее. Друзья обнялись и вместе выбрались на улицу. Толчки возобновились вновь. Вскоре последовал второй, а затем и третий. Стены домов раскачивались с запада на восток. В почве возникли трещины. Наконец толчки прекратились, но улицы уже не было. По обеим ее сторонам вместо домов протянулись две гряды каменных куч. Охваченные паникой, окровавленные, люди метались из стороны в сторону в пыльной мгле, сгущающейся с каждой минутой. Солнечный день внезапно сменился ночью, и в этом мраке

оставшиеся в живых казались обезумевшими призраками.

Трехминутный толчок уничтожил привычную картину мира. Дома послушно складывались в гармошку.

Огонь одновременно появился в трех местах города. В пылающий костер превратился монастырь святого Франциска с его библиотекой в 9 тысяч томов. Бумага горит очень хорошо и это лишь усиливало пламень. От монастыря святой Клары, где нашли приют более 600 монахинь, уцелели только часть алтаря и кафедра. Полыхала приходская церковь святого Юлиана, в которой находилось тогда около 400 человек. Более 300 улиц и 5 тысяч домов сравнялись с землей, от них не осталось никаких следов.

Лиссабон лежал в руинах. Кто мог встать на ноги, встал. Кто-то, пошатываясь, изумленно озирался. Кто-то, потеряв рассудок, с криками бежал куда глаза глядят. Окровавленные священники в порванной одежде ходили по развалинам с призывами покаяться. Страх очередного толчка погнал людей на побережье. Порт был переполнен желавшими уплыть прямо сейчас, лишь бы подальше от этого кошмара. Вскоре из толпы тех, кто искал убежища в порту, послышались крики: «Смотрите, смотрите, море!» Действительно, с морем происходило нечто странное. Его уровень опускался все ниже и ниже на глазах испуганных лиссабонцев. Наконец под шепот и вздохи многотысячной толпы море отступило от причала окончательно, обнажив его дно – скелеты брошенных кораблей и кучу мусора. Еще через несколько ми-

нут вода начала возвращаться. И толпа снова наполнилась криками. Прямо на причал надвигалась гигантская гора. Она приближалась неумолимо и свирепо, и даже те, кто моментально сориентировался и кинулся прочь, понимали, что это конец. Прошло примерно полтора часа после первого толчка, когда Лиссабон накрыла 17-метровая волна цунами. Она разрушила все корабли, стоявшие в гавани, и смыла в океан несчетное количество людей. Те же районы города, которые избежали цунами, постигла другая участь – пожары. Пять дней Лиссабон полыхал. Несколько десятилетий спустя Байрон так опишет последствия этого землетрясения в своей поэме «Тьма»:

И мир был пуст;
Тот многолюдный мир, могучий мир
Был мертвой массой, без травы, деревьев,
Без жизни, времени, людей, движенья…
То хаос смерти был. Озера, реки
И море – все затихло. Ничего
Не шевелилось в бездне молчаливой.
Безлюдные лежали корабли
И гнили на недвижной, сонной влаге…
Без шуму, по частям валились мачты
И, падая, волны не возмущали…
Моря давно не ведали приливов…
Погибла их владычица – луна;
Завяли ветры в воздухе немом…
Исчезли тучи… Тьме не нужно было

Их помощи… она была повсюду…

(перевод И.С. Тургенева).

Последствия катастрофы

Главное отличие этой грандиозной катастрофы от революций, смен монархов, войн и иных политических событий в том, что оно было совершенно непредсказуемо. Это уже противоречило самому духу эпохи Разума. Разум всегда ассоциировался с логикой, а логика не любит спонтанности. Именно поэтому во второй половине XVIII века в Германии были опубликованы сразу шесть трактатов, посвященных логике. И эти трактаты были предназначены для женщин. Во Франции и Италии указанного периода подобные сочинения – явление нередкое, однако в немецкоязычном пространстве они носили, скорее, экзотический характер. Но в данном случае это и не столь важно. А важным здесь является то, что Просвещение этими трактатами по логике, предназначенными специально для женщин, вторгалось туда, где издревле считалось, что никакой логики быть не может. В XVIII веке в Испании инквизиция еще продолжает охоту на ведьм, исходя из того, что женщины непредсказуемы, истеричны, склонны по своей природе к греху, излишне эмоциональны. Даже Руссо будет отличаться своими пренебрежительными взглядами на женскую природу, о чем мы и поговорим по-

дробнее, когда речь пойдет об этом философе. Но Просвещение в основе своей всегда боролось с предрассудками. И наглядным примером такой борьбы стали трактаты по логике для женщин. Логические сочинения для женщин, опубликованные в Германии во второй половине XVIII в., представляют собой одно из многочисленных проявлений жанра популярной философии. Простота изложения, диалогическая или эпистолярная форма, практическая ориентированность и эклектичность – все это позволяет сделать логику доступной и понятной для любого цивилизованного человека и дает ему инструмент для исполнения своего основного предназначения, а именно – использования разума. Получалось, что просветители подчиняли логике даже взаимоотношения полов. Они пытались и сексуальность, эту абсолютную стихию человеческой психики, предмет изучения психоанализа, подчинить строгой упорядоченности разума. Знаменитая фраза: «Учитесь властвовать собой» в данном вопросе является весьма показательной. («Евгений Онегин». Высказывание Онегина в момент объяснения с Татьяной явно навеяно философией Руссо). Но Свет Просвещения бросит здесь очень густую тень. Сексуальность и логика – понятия взаимоисключающие.

В дальнейшем на этом поприще парадоксальным образом преуспеет скандальный маркиз де Сад. В своих сексуально-садистских утопиях («Жюстина», «120 дней Содомы») он будет вести прямую полемику со взглядами Жан-Жака Рус-

со на Природу как источник подлинно нравственных воззрений. Согласно безумному маркизу, Природа равнодушна ко всякого рода нравственным предрассудкам. Она ближе к жестокости и насилию.

Итак, непредсказуемость свершившейся катастрофы должна была особым образом повлиять на сознание современников, так как это нарушало само понятие Разума и пресловутой «разумности Природы». Можно сказать, что век Разума дал серьезную трещину и на исторической арене – о себе во весь голос заявила Тьма. Епископ Коимбры, монах-иезуит Габриель Малагрида заявил: «Знай, о Лиссабон, что разрушителями наших домов, дворцов, церквей и монастырей, причиной смерти стольких людей и огня, пожравшего столько ценностей, являются твои отвратительные грехи, а не кометы, звезды, пар, газы и тому подобные естественные явления». Не случайно несколько десятилетий спустя поэт-романтик Байрон откликнется на это землетрясение своей поэмой «Тьма». А романтизм, как известно, всегда противопоставлял себя веку Разума и Свету, считая, как утверждает Ю.М. Лотман, своим принципиальным героем Дьявола (смотри мою книгу «Роковой романтизм», М., АСТ, 2020 г.).

Но помимо непредсказуемости Лиссабонское землетрясение поразило всех и своим распространением. Это было событие планетарного масштаба, как и Первая мировая война. Так, что касается распространения сотрясений, то они чувствовались в радиусе около 600 км. Вот как описывает, на-

пример, проявление землетрясения в Венеции известный в то время авантюрист и ловелас Казанова. Находясь в тюрьме на площади Св. Марка, он, стоя на чердаке, внезапно стал терять равновесие и увидел, как огромная балка повернулась, затем скачками начала двигаться обратно. При последующих колебаниях стражники в испуге разбежались.

В Аахене, на западе Германии, висевший на стене образ Богородицы вдруг стал раскачиваться подобно маятнику. Даже в некоторых церквах Гамбурга, на севере страны, качались люстры. Удар чувствовали в Саксонии. Слабые колебания ощутили в Голландии. На реках и озерах в Северной Германии, Южной Швеции, Исландии замечены волнения (сейши). О необычных приливах сообщалось с берегов Голландии, Ирландии, Англии, Норвегии. На Малых Антильских островах прилив (цунами) вместо привычных 0,7–0,75 м поднялся на 6 м. В одном из портов Ирландии волна закрутила в водовороте все суда и затопила рыночную площадь. Цунами были и на островах Атлантического океана. Да и сами сотрясения к западу и югу от Португалии достигли Азорских, Канарских островов и даже островов Зеленого Мыса, не говоря о Мадейре. Сотрясения, по оценкам, захватили площадь 2–3 млн кв. км. И это при том, что эпицентр был далеко в море. А если бы он оказался ближе к берегу?

Набожную Европу поразили не только масштабы события во всех его проявлениях, но и возникновение его в День Всех Святых, к тому же во время главной утренней службы, когда

церкви были полны прихожан. Не могло это расцениваться иначе, как Божье наказание. Даже такой кумир века Просвещения, как Жан-Жак Руссо, стал говорить о вине самих португальцев и о наказании за их грехи.

Благодаря этому землетрясению окончательно рухнула целая империя, а именно Португалия. Землетрясение обострило внутриполитические противоречия в Португалии и сразу же свело на нет все колониальные амбиции, имевшиеся у страны в XVIII веке. Напомним, что, потеряв главенствующую роль в Европе, Португалия в середине XVIII в. оставалась еще сокровищницей накопленных в былые времена несметных богатств, материальных и художественных. К середине XVIII века Португалии принадлежала вся Бразилия, колонии в Парагвае, Мозамбике, Анголе, на Азорах, в Гоа, Макао и Малакке. А также грандиозный флот, позволяющий вести межконтинентальную торговлю. С мнением Португалии не просто считались – эту страну боялись. Колонизационная политика португальцев была жесткой и кровавой. На индийских берегах уничтожались целые поселки. Португальцы при завоевании земель не щадили ни женщин, ни детей, а с мужчинами расправлялись изощренно и долго.

Все помнили «подвиги» садиста и великого мореплавателя Васко да Гама. Захваченные суда каратели да Гамы сжигали, а людей зверски убивали. Показательным был случай, когда в ходе захвата индийского судна он запер в трюме команду и пассажиров, в том числе женщин и детей, и сжег ко-

рабль. А тех, кто все же смог выбраться с горящего корабля, добивали прямо в воде. Добравшись до Калькутты, Васко со своими головорезами взяли в плен около 800 человек, связали, отрубили конечности, чтобы те не могли развязать веревки, и погрузили на корабль, а затем расстреляли несчастных из пушек.

И, хотя к середине XVIII века Португалия слегка сдала свои лидерские позиции, она по-прежнему была процветающей империей Европы. У каждой процветающей империи есть своя столица. У Португалии был Лиссабон. Расположенный на краю Старого света, обдуваемый океанским ветром, весь из белого камня, он производил на путешественников сильное впечатление. Лиссабон казался осколком Африки на европейском берегу. Собственно, одно из прозвищ города и было «африканский город» – преимущественно из-за огромного количества рабов, которых свозили сюда из всех колоний Португалии. Они эффектно чернели на фоне домов из мрамора – любимого камня Лиссабона. Черные таскали носилки с католическими священниками и заморскими купцами по улицам, изнывавшим от не по-европейски злого солнца. Почетное место третьего по значению портового европейского города (первыми двумя значились Лондон и Амстердам) позволяло жителям Лиссабона наслаждаться экзотическими яствами, тканями и прочими радостями жизни.

Еще одно прозвище Лиссабона – «город Бога». Ибо не было в Европе более преданного католицизму города, чем пор-

тугальская столица. В пределах городской черты насчитывалось 40 приходских церквей, 121 часовня, 90 монастырей и зарегистрировано 150 религиозных братств. Все население Лиссабона – а к середине XVIII века оно составляло около 250 тысяч человек – с энтузиазмом и при каждой возможности отправлялось в пышно убранные, великолепные церкви.

Но землетрясение в одночасье уничтожило почти весь португальский флот, церковные ценности, особенно в многочисленных монастырях. А как оценить гибель 18 тысяч (по другим данным – 70 тысяч) томов Королевской библиотеки, архитектурных шедевров средневекового города, богатейшего архива Португальского Королевства, древних рукописей и церковных архивов? В королевском дворце хранились 200 полотен Рубенса, Корреджо, Тициана и др., в бесценной библиотеке – карты мира (в том числе древние портоланы), инкунабулы (первопечатные книги до 1500 г.), собственноручная история Карла V (середина XVI в.).

Молодой король Жозе I, потрясенный утерей своих богатств и могущества, со своей свитой провел день и ночь в каретах, без всякой охраны и пищи. Его резиденция располагалась за городом, но страх остаться внутри стен ходящего ходуном дворца выгнал монарха в открытое поле. Растерянность власти лишь добавляла ощущение непоправимой утраты всему происходящему. Теперь, по словам маркиза де Помбаль, королевского советника, на тот момент единственного человека, не утратившего самообладание, следо-

вало похоронить мертвых и накормить живых. Вот этим теперь только и должна была заниматься некогда великая морская держава, которая еще в конце XV века и в самом начале века XVI, благодаря плаванию Васко да Гама, смогла открыть прямой морской путь в Индию. Васко да Гама стал первым европейцем, которому удалось обогнуть все африканские берега. Кроме того, именно Васко да Гама подробно исследовал побережье Африки на Юге. До него это не удавалось сделать ни одному белому мореплавателю. Так появились более подробные морские и сухопутные карты индийских и африканских земель. Именно португальский моряк Фернан Магеллан совершил первое кругосветное путешествие и на практике доказал шарообразность Земли, открыл западный путь из Европы к восточным берегам Евразии и «островам пряностей». Им впервые был пройден Тихий океан.

Трагедии сплачивают людей, так что 1 ноября 1755 года многие называют еще и датой рождения португальской нации. Кроме общего горя, появились единые системы связи и массовой печати: правительству надо было уведомить всю страну о произошедшем и собрать как можно больше данных о последствиях. Можно сказать, что эта катастрофа до сих пор дает знать о себе, породив особую власть СМИ. Именно Лиссабонское землетрясение породило такую науку как сейсмология. Концепция божественного вмешательства, хотя и существовала до 1755 года, была разработана в фило-

софии Иммануилом Кантом как часть его попыток осмыслить чудовищность землетрясения и цунами. Кант опубликовал три текста о лиссабонском землетрясении. В молодости он, зачарованный землетрясением, собрал всю доступную ему информацию и использовал ее для создания теории о причинах землетрясения. Кант полагал, что землетрясения происходят в результате обрушения огромных подземных пустот. Будучи ошибочной, эта концепция все же стала одной из первых естественнонаучных теорий, объяснявших природные процессы. Брошюра молодого Канта, возможно, положила начало научной географии и, безусловно, сейсмологии.

Землетрясение сильно повлияло на мыслителей эпохи Просвещения. Многие философы того времени упомянули это событие в своих произведениях, особенно Вольтер в романе «Кандид, или Оптимизм» и «Поэме на бедствие в Лиссабоне». Прихоть стихии навела вольтерова Кандида на сатиру в адрес идеи, что мы живем в «лучшем из возможных миров»; как написал Теодор Адорно, «Лиссабонское землетрясение излечило Вольтера от теодицеи Лейбница».

Некоторые исследователи (например, Вернер Хамахер) утверждают, что землетрясение воздействовало не только на умы философов, но и на их язык. Именно землетрясение дало дополнительный смысл словам «основы, фундамент» и «сотрясение, толчок».

Заметим, что за год до описываемых событий землетрясе-

ние произошло в Стамбуле. Погибло около 400 человек, но в христианском мире никто их особенно не жалел. Впрочем, и масштаб потерь против предполагаемых 90 тыс. жертв в Португалии был ничтожным. Но век Просвещения был веком, ориентированным в основном на Европу, а восток и Турцию в столицах этого континента воспринимали не иначе как экзотику или дань моде. Вспомните знаменитый «Турецкий марш» Моцарта, который каждый образованный человек знает с детства. Португальский историк Руи Тавареш писал: «Катастрофы в землях неверных казались естественными, ибо они происходили в беспорядочном хаотичном пространстве, лишенном веры в Бога истинного». Лиссабонское же землетрясение произошло в самом центре христианского мира, в самой Европе, в одном из богатейших в то время государств. И масштабы этой катастрофы были поистине огромными.

Многие современные исследователи считают, что по влиянию на философию и культуру Европы лиссабонское землетрясение превзошло даже Первую мировую войну. Великое лиссабонское землетрясение 1755 года навсегда изменило мир.

Гримаса вторая. Жеводанское чудовище

С давних пор во многих странах можно услышать рассказы о чудовищах, буквально терроризировавших целые области и внушавших ужас не только детям, но и взрослым. Упыри и вампиры долгое время были «региональными» чудищами, но получили всемирную известность после выхода в 1897 г. знаменитой книги Брэма Стокера «Дракула». Однако малоизвестны, например, якутские абаасы – дети-людоеды, рождающиеся из черных камней; индийские брахмапаруши – большие ценители человеческих мозгов; Черная Аннис, пожиравшая детей в Лестершире, и обитавшие на границе Шотландии и Англии «красные шапочки» – гоблины, умирающие сразу, если высохнет человеческая кровь, которой они смачивают свои колпаки. К.Г. Юнг в свое время объяснял эти феномены массового помешательства в виде животного страха перед чудовищами проявлением коллективного бессознательного. К подобным явлениям массовой истерии можно отнести и увлечение НЛО, например. Нечто подобное произошло и во Франции в век Просвещения, в век Разума и Света.

В середине XVIII века в цивилизованной Франции, в разгар века Просвещения, развернулись невероятные события, наделавшие много шума. В историю эту было бы трудно по-

верить, если б весь ее ход не был подробно задокументирован.

В лесах Лангедока завелся страшный зверь-людоед, которого прозвали Жеводанским чудовищем, потому что первую свою жертву, 14-летнюю девочку, монстр задрал в провинции Жеводан. Случилось это весной 1764 года.

Свидетели описывали некое животное крупнее волка, но меньше медведя, с рыжеватой шерстью, огромной тупорылой башкой и закрученным хвостом. И большую роль в этом деле сыграли газеты, которые буквально нагнетали атмосферу всеобщего страха. Грамотные люди эпохи Просвещения с восторгом читали о том, будто Жеводанское чудовище было послано самим адом. На протяжении трех лет (1764–1767 гг.), которые во Франции получили официальное название «Годы Зверя», неведомый монстр держал в страхе население целой области. Писатель Роберт Льюис Стивенсон почти сто лет спустя в своей книге 1879 года *«Путешествие с ослом в Севенны»* рассказывает о Звере следующее: «Это была земля незабвенного ЗВЕРЯ, этакого Наполеона Бонапарта среди волков. О, что у него была за карьера! Он прожил десять месяцев на свободе между Жеводаном и Виваре; он ел женщин, детей и «пастушек во всей их красе»; он гонялся за вооруженными всадниками; видели, как он среди бела дня преследовал дилижанс с верховым по королевскому тракту, и карета и верховой удирали от него в ужасе, галопом. Повсюду с ним расклеивали плакаты, как с полити-

ческим преступником, и за его голову было обещано десять тысяч франков». По замечанию французского историка Жана-Марка Морисо, шумиха вокруг Зверя была дополнительно раздута газетами, как местной Courrier d'Avignon, так и национальной La Gazette, после окончания Семилетней войны испытывавшими потребность в сенсациях для повышения продаж.

В основном эта история была тщательно задокументировала и, несмотря на всю свою фантастичность, выглядела весьма правдоподобно, что свидетельствовало об еще одном, наряду с Лиссабонским землетрясением, теневом событии века Просвещения. Оказывалось, что всякого рода суеверия и бессознательные страхи могли обретать характер национального бедствия. Получалось, что реально не Разум правит миром, как это хотелось просветителям, а коллективное бессознательное, то есть иррациональное. По этому поводу известный последователь идей Вернадского А.Л. Чижевский выдвинул предположение о существовании психопатических эпидемий. Так, он пишет: «Вся общественная жизнь человеческих коллективов протекает под знаком массовых психозов и массовых психопатий. Чем интенсивнее бьет ключ общественной жизни, тем чаще и глубже охватывают ее коллективные безумия…». Следовательно, можно сделать предположение о существовании некого психического механизма в любом обществе, который и способствует повальному увлечению одной идеей, не всегда воспринима-

емой критически.

Можно привести и другие примеры массовых психозов, которые приводит в своей книге А.Л. Чижевский. Так, из истории Византии нам известно, что несмотря на благополучное существование страны, могущество императора Юстиниана I было потрясено в один прекрасный день возмущением партии цирка. Император оказывал покровительство болельщикам, поддерживавшим команду, упряжь которой была выкрашена в голубой цвет. Но вот вспыхнуло восстание тех, кто предпочитал голубому – зеленый. В результате этой вспышки безумия и жизнь самого императора, и судьба трона оказались в опасности. Материальным свидетельством этого безумия можно считать собор Святой Софии в Стамбуле, архитектурные принципы которого нашли свое продолжение и в Софии Киевской, и во всей Древней Руси.

Массовый психоз перед Жеводанским чудовищем во Франции в век Просвещения и Разума – это яркий пример разбушевавшегося коллективного бессознательного. С одной стороны оказалась «подогретая» газетами сенсация, а с другой, – королевская власть. Страх постепенно достиг такого апогея, что в далекую южную провинцию были направлены лучшие охотники и отряд егерей, а облава на Зверя осуществлялась силами в несколько сотен участников, и облава эта напоминала настоящие военные действия.

Хронология событий

Впервые Зверь дал о себе знать 1 июня 1764 г., когда он напал на пастушку из города Лангонь. Женщина рассказала, что собаки, сопровождавшие ее, лишь скулили и дрожали, не смея напасть на чудовище, но она успела спрятаться за быками, которые, выставив рога, не подпустили к ней монстра.

А вот 14-летней Жанне Буле не повезло – именно она 30 июня того же года стала первой официально подтвержденной жертвой Зверя. Впрочем, к тому времени уже числились пропавшими 10 человек – возможно, таинственный Зверь был причастен к их исчезновению.

В августе Зверь убил еще двух детей; местные охотники, осмотрев их тела, предположили, что животное, которое напало на них, должно быть крупнее волка, но меньше медведя. В сентябре при нападении Зверя погибли 5 человек, в том числе – сын графа д'Апше.

6 сентября 1764 года Зверь впервые показался людям: около 7 часов вечера он вошел в деревню Эстре, напав на 36-летнюю крестьянку, что работала в саду возле дома. Соседи попытались отогнать хищника от несчастной, и он ушел, оставив мертвое тело.

Так начинались «годы Зверя» в Жеводане, и ужасу, охватившему население графства, казалось, не будет конца.

Люди стали бояться ходить в лес и отпускать детей из до-

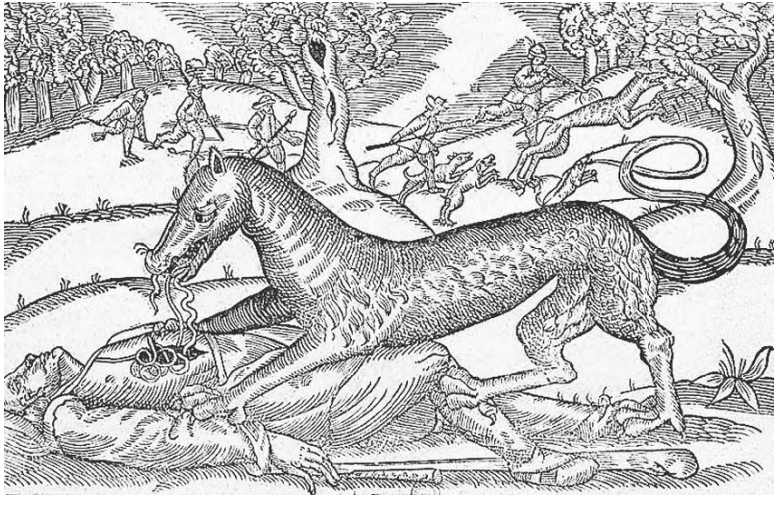
ма. Крестьяне, у которых не было ружей, выходили за пределы деревни, только взяв с собой самодельную пику. А отправляться в соседние деревни или города они старались группами не менее трех человек.

Губернатор Лангедока граф де Монкан отправил на поиски чудовища 56 солдат под командованием драгунского капитана Дюамеля, который организовал несколько облав в окрестных лесах. Тогда были уничтожены около сотни волков, но Жеводанский зверь оставался неуловимым.

В октябре 1764 г. со Зверем неожиданно столкнулись местные охотники: они дважды выстрелили в него и утверждали, что ранили, но догнать его либо найти мертвым не смогли. Зато ими был найден обглоданный труп 21-летнего юноши. Нападения Зверя прекратились на месяц, но 25 ноября они возобновились. В тот день Зверем была убита 70-летняя женщина, отправившаяся в лес за хворостом. В декабре Зверь нападал на людей почти каждый день, 27 декабря было зафиксировано сразу четыре нападения, закончившиеся гибелью двух человек.

12 января 1765 года семь детей в возрасте от 9 до 13 лет встретились со Зверем на опушке леса и сумели отпугнуть, громко крича и бросая в него камни и палки. Другой известный случай благополучного исхода встречи обычного человека (не вооруженного охотника) и Зверя – противостояние хищника и девушки из деревни Полак Мари-Жанны Вале. С помощью самодельной пики она сумела отбиться и вернуть-

ся домой. В настоящее время у въезда в ее родную деревню можно увидеть известный памятник.



1 мая 1765 г. Жеводанский зверь был все же найден и даже ранен, но ему вновь удалось уйти от погони

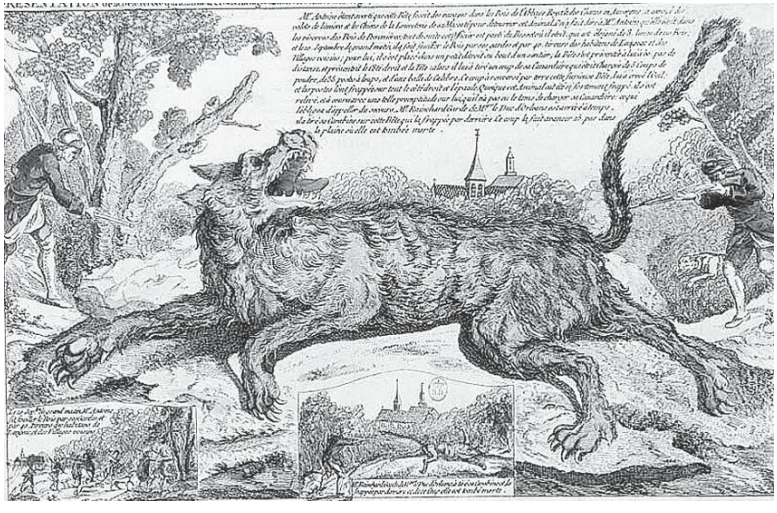
Но такие благополучные столкновения со Зверем были исключением из правил. Только за январь 1765 г. погибли 18 человек.

5 апреля того же года Зверь напал на четырех детей и убил всех. К осени число зафиксированных нападений достигло 134, а количество погибших – 55 человек.

В январе все того же 1765 г. сведения о таинственном

чудовище, уничтожающем людей в Оверни, дошли до Людовика XV. Король отправил на поиски Зверя знаменитого нормандского охотника Денневаля, который к тому времени имел на своем счету более тысячи лично застреленных волков. Вместе с сыном, также известным охотником, Денневаль отправился в Жеводан. С собой они привезли восемь испытанных в многочисленных облавах гончих. В течение несколько месяцев, начиная с 17 февраля 1765 г., они прочесывали леса Оверни, не делая перерывов даже на время непогоды.

В июне 1765 г. Людовик XV на замену Денневалю прислал в Жеводан Франсуа Антуана де Ботера, лейтенанта охоты, имевшего придворное звание «носитель королевской аркебузы». Приближенный короля, пытаясь оправдать высокое доверие и используя «административные ресурсы», привлек к охоте на Зверя огромное количество людей. Так, в облаве, состоявшейся 9 августа 1765 г., приняли участие 117 солдат и 600 местных жителей. За три месяца удалось убить около 1200 волков, но Зверь оставался неуловимым. Наконец, 20 сентября 1765 г. собаки выгнали на охотников огромного волка, почти вдвое крупнее обычных, который был застрелен, и в желудке его были найдены несколько полос красной материи, что являлось прямым доказательством того, что этот волк был людоедом.



Охота на Жеводанского зверя, гравюра

Пуля Ботера прошла по касательной, едва задев Зверя. Вторая пуля, выпущенная неизвестным охотником, попала в глаз монстра. Но даже после этого Зверь был еще жив, решающим оказался третий выстрел.

Чучело этого волка Ботер доставил в Версаль и получил королевскую награду в 9400 ливров, но, так как нападения Жеводанского зверя все еще продолжались (к этому времени он стал нападать на людей даже поблизости от их домов), убитый им хищник был назван «волком из Шазе».

С 1 ноября 1766 г. нападения Зверя вдруг прекратились, о

нем ничего не было слышно в течение 122 дней, и люди, наконец, вздохнули спокойно, поверив, что этот кошмар остался позади. Но 2 марта Зверь снова появился в Жеводанских лесах и нападения вновь стали регулярными.

Чучело Волка из Шазе: в длину волк достигал 170 см, высота в холке – 80 см., вес – 60 кг. Это чучело сгорело при пожаре в 1819 г.

Теперь охоту на Зверя возглавил граф д'Апше, сын которого, как мы помним, стал одной из первых жертв этого чудовища. Успеха удалось добиться 19 июня 1767 г., когда одному из участников облавы, в которой принимало участие

около 300 человек – Жану Шастелю – удалось застрелить Зверя. Осмотр и вскрытие монстра несколько разочаровали охотников: как это часто бывает, выяснилось, что у «страха глаза велики», и не «так страшен черт, как его малюют». Оказалось, что длина Зверя от головы до хвоста – «всего» 1 метр (размеры волка из Шазе, как мы помним – 1 м 70 см). Но животное, в общем-то, подходило под описания. Хищник имел непропорционально большую голову с огромными клыками и тяжелыми челюстями, непропорционально длинные передние лапы, его шерсть была серой с рыжими подпалинами, а на боках и у основания хвоста располагались несколько черных полос. Тело Зверя было покрыто шрамами, в правом бедренном суставе оказались три дробины, в желудке было найдено предплечье пропавшей недавно девочки. Награды от короля и официальных властей не последовало, благодарные жители провинции организовали сбор средств и смогли выплатить Шастелю 72 ливра.

Чтобы успокоить людей, тушу Зверя долго возили по всему Жеводану, а затем, сделав из нее чучело, доставили королю.

Если бы это чучело сохранилось, сегодня можно было бы дать совершенно однозначный ответ на волнующий всех исследователей и историков вопрос: кем же на самом деле был этот знаменитый Зверь из Жеводана? Но, увы, умелых таксидермистов в Оверни не нашлось, и к моменту прибытия в Версаль чучело стало разлагаться, и было сочтено «непри-

годным к рассмотрению» и выброшено на свалку. Поэтому версий о происхождении Зверя и его видовой принадлежности в настоящее время высказано более чем предостаточно. Но границу между правдой и вымыслом, порожденным массовым психозом, провести невозможно. Ясно одно, что второй убитый зверь свидетельствует о том, что размеры его оказались не столь гигантскими, как об этом твердила толпа. Созданный специально для короля экземпляр подходил лучше. Он удовлетворял всем ожиданиям и страхам. Второй, захудалый, был выбракован и оказался на помойке. Массовый психоз на этом закончился и достиг стадии охлаждения, но, подобно Лиссабонскому землетрясению, нанес серьезный удар по цитадели Разума.

Лох-несское чудовище

Спустя десять лет, после того как в Англии в 1719 году были обнаружены останки загадочной морской рептилии, Несси стали приписывать образ плезиозавра. История лох-несского чудовища Несси берет свое начало еще с зарождения христианства. По преданию римские легионеры были первыми, кто рассказал миру о таинственном существе, обитающем в шотландском озере. Именно они в начале христианской эры с мечом в руках осваивали кельтские просторы. Все представители шотландской фауны от мыши до оленя были увековечены местными жителями на камне. Единственным

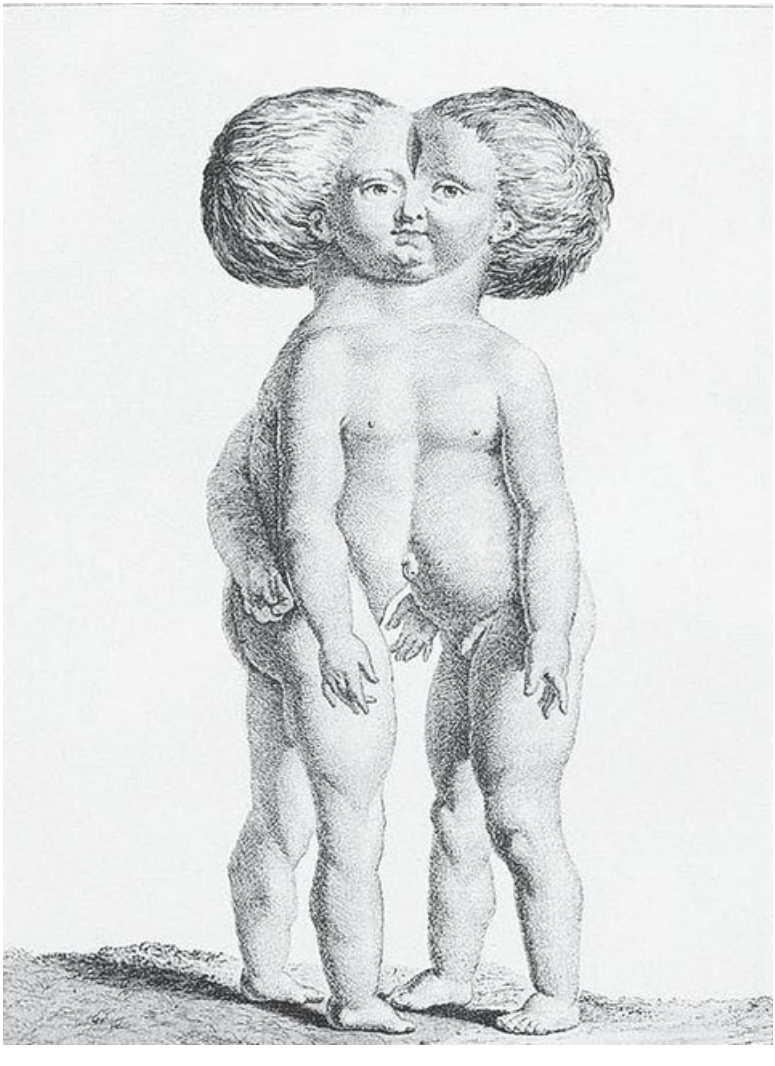
изображением, которое римляне не смогли распознать, было странное представление тюленя с длинной шеей и громадных размеров. Впервые письменное упоминание о таинственном чудовище, которое обитает в шотландском озере Лох-Несс, было сделано в VI веке нашей эры. Аббат Ионского монастыря в Шотландии в жизнеописании святого Колумбы рассказал о триумфе святого над «водным зверем» в реке Несс. В то время настоятель Колумба в своем новом монастыре, расположенном у западного побережья Шотландии, занимался воззванием в веру язычников скоттов и пиктов. Как гласит житие, однажды Колумба вышел к озеру и увидел похороны. Это местные жители хоронили одного из своих людей, искалеченного и убитого во время плавания в озере. Считали, что его погубил Нисаг – кельтское название загадочного чудовища. Вооружившись баграми для отпугивания существа, местные жители подтащили к берегу тело погибшего. Чтобы пригнать лодку, один из воспитанников святого не раздумывая прыгнул в воду. Когда он отплыл от берега озера в сторону узкого пролива, «из воды поднялся странного вида зверь, наподобие гигантской лягушки, только это была не лягушка». С помощью молитвы Колумба отогнал таинственного монстра. Вера в монстра и легенды о нем оказались настолько живучими, что и поныне находятся энтузиасты, которые свято верят в его существование. Ранние успехи палеонтологии и находки различных окаменелостей на побережьях Британии в самом конце века Разума лишь

подогрели веру в существование чудовища. Его стали воспринимать как чудом оставшегося в живых динозавра.

Гримаса третья. Уроды

Всевозможные аномалии человеческого тела существовали всегда и были зафиксированы еще в античном мире, но медицина XVIII века уже начала изучать такие вещи, как генетические изменения и деформации. Интерес к уродствам перестал быть чем-то маргинальным. Просвещение решило и на это обратить свой взор. Не случайно основным символом масонства считается так называемая «лучезарная дельта» – изображение глаза в треугольнике. Именно в это время была выпущена книга «Отклонения природы, или Полное собрание уродств», в которой описывались различные аномалии. Иллюстрации в книге, конечно, приукрашены, поэтому данное издание можно рассматривать не как справочник, а, скорее, как интересное и наглядное пособие, способное испугать, шокировать любого читателя. В 1808 году книга была переиздана французским анатомом Жаком-Луи Моро (Jacques-Louis Moreau), который написал целую главу соображений, почему люди рождаются с физическими отклонениями и недостатками. Книга стала популярной в узких кругах как научный труд, в котором были высказаны достаточно революционные мысли. К примеру, был опровергнут тот факт, что если женщина во время беременности смотрит на страшные вещи, у нее рождается урод. Эта теория была очень популярна в прежние времена. Но ведь, согласс-

но Руссо, Природа – это воплощение гармонии, в ней нет и не может быть никаких аномалий. Однако сами факты словно опровергали эти взгляды известного идеалиста. Природа без зазрения совести словно гримасничала в ответ на философские изыски просветителей. В реальности оказалось, что естество может быть необычайно уродливым и порождать монстров.



Цирк уродов и век Просвещения

Позорное явление, появившееся на рубеже Ренессанса и эпохи Просвещения, могло существовать лишь благодаря поддержке власть имущих и молчаливому согласию церкви.

Новое время начало приносить фрикам барыши. Именно эти три века – с XVIII по начало XX – стали золотой эрой цирков уродов: прибыль уже была существенной, а общественная мораль допускала сколь угодно жестокое отношение к необычным людям.

В XVII веке появились первые известные уроды, сколотившие на своей внешности состояние. Знаменитейшими фриками того времени были сиамские близнецы Лазарус и Иоанн Баптист Коллоредо, родом из Генуи. Иоанн был не столько человеком, сколько недоразвитым отростком, растущим примерно из области груди брата. Глаза он всегда держал закрытыми, а рот – открытым, разговаривать не умел. Тем не менее он жил, шевелился и даже принимал пищу (судя по всему, пищеварительные системы братьев были раздельными).

Лазарус, будучи вполне мобильным и стройным мужчиной (не считая половины брата, растущего из передней его части), объехал в первой половине XVII века всю Европу – Данию, Германию, Италию, Англию – и везде имел успех. Более того, впоследствии он женился и имел нормальных де-

тей.

Лазарус и Иоанн-Баптист Коллоредо – одни из первых успешных европейских сиамцев, сделавших на своем уродстве состояние. Гравюра 1634 года.

Россия тоже не чуралась всяких диковинок. Например, кунсткамера Петра Великого, реформатора и просветителя, стала одним из крупнейших мировых собраний заспиртованных уродов. Это, конечно, не совсем фрик-шоу, но жанр весьма близкий. В начале XVIII века жанр фрик-шоу отпочковался от обычного цирка. Предприимчивые дельцы подбирали на улицах различных увечных, больных, недоразвитых и составляли из них нечто вроде зоопарка. Официально первым выступлением классического фрик-шоу считается демонстрация вывезенной из Гвинеи женщины «с обезьяньей головой» в 1738 году. Правда, современные исследователи склоняются к тому, что женщина была совершенно нормальной. Просто африканцы экзотических племен казались Европе того времени чем-то совершенно диковинным, и обычная африканка (может быть, больная чем-либо) вполне сходила за урода. Но это лишь предположения.

Гримаса четвертая. Дети-Маугли эпохи Разума

Жан-Жак Руссо создал концепцию естественного человека. Мыслитель идеализировал «дикаря» как существо, которое еще не знает частной собственности и других достижений культуры. «Дикарь», по мнению Руссо, – это существо добродушное, доверчивое и дружелюбное, а вся порча идет от культуры и исторического развития. Просветители свято верили в преобразующую силу воспитания. Воспитание может все. Идея английского философа Локка, что ребенок – это tabula rasa, или частая доска, на которой с помощью воспитания можно зафиксировать любые тексты, была подхвачена всеми представителями эпохи Просвещения. Основные педагогические идеи этой эпохи сводились к следующему:

• человек от рождения добр и готов к счастью, он наделен природными задатками, и назначение воспитания – сохранить и развить природные данные ребенка. Идеалом представляется неиспорченный обществом и воспитанием человек в его естественном состоянии;

• естественное воспитание осуществляется прежде всего природой, природа есть лучший учитель, все окружающее ребенка служит ему учебником. Уроки дает природа, а не люди. Чувственный опыт ребенка лежит в основе познания мира, на его основе воспитанник сам создает науку.

Но вот сама Природа была не согласна с такими представлениями о ней и о силе воспитания и преподнесла еще один неожиданный урок тем, кто ее так страстно идеализировал.

Одичавший ребенок Питер (обнаружен в 1725 – 22 февраля 1785) – это ребенок, выросший в условиях крайней социальной изоляции. Мальчик из Ганновера на севере Германии был найден в 1725 году живущим в лесах около Хамельна. Мальчик, чье происхождение и родители были неизвестны, вел совершенно дикий образ жизни, питаясь лесными растениями и передвигаясь на четвереньках.

Сразу после находки (или поимки) его перевезли в Великобританию по приказу Георга I, чей интерес к несчастному

мальчику возник во время визита на родину, в Ганновер. На момент обнаружения Питеру было приблизительно 10 лет. За следующие 60 лет, прожитых в обществе, Питер обучился произношению только двух-трех слов.

После перевозки Питера в Великобританию общественность Лондона была полна слухами и спекуляциями. Повальное увлечение дикарем было предметом резкой сатиры и серьезных исследований.

Принцесса Уэльская, заботясь о благополучии найденыша, в 1726 году, после того как острое общественное любопытство начало спадать, приняла меры, чтобы доктор Арбутнот занимался его образованием. Однако все усилия научить его говорить, читать или писать были тщетны.

После того как Питер был освобожден от наблюдения доктора Арбутнота, его поручили заботе госпожи Тичборн, одной из фрейлин королевы, со значительной пенсией для него. Тичборн обычно проводила несколько недель каждое лето в доме Джеймса Фенна, фермера-йомена, в Экстер-Энде, к нему и перешли фактические заботы о Питере. Фенну передали распоряжение 35 фунтами в год для поддержки и обслуживания Питера. После смерти Джеймса Фенна Питер был передан его брату, Томасу Фенну, на ферму под названием Бродвей, где Питер и прожил с несколькими сменявшими друг друга арендаторами до смерти, получая правительственную пенсию.

В конце лета 1751 года Питер исчез с бродвейской фермы.

В газетах были размещены объявления, предлагавшие награду за его возвращение. 22 октября 1751 года в округе Св. Эндрю в Норидже случился пожар. Поскольку огонь угрожал местной тюрьме, ее обитатели были спешно освобождены, и один из них привлек к себе внимание чрезмерной волосатостью, физической силой и едва подобными человеческим звуками, которые он издавал, некоторые даже приняли его за орангутанга. Несколько дней спустя в необычном узнике опознали Питера, возможно, через описание его в лондонской газете Evening Post. Он был возвращен на ферму Томаса Фенна и получил специальный кожаный воротник со своим именем и адресом, на случай, если он когда-либо потеряется снова.

Питер дожил приблизительно до 70-летнего возраста. В 1782 году его посетил шотландский философ и судья Джеймс Бернетт, лорд Монбоддо, который оставил последнее описание Питера: у того был здоровый цвет лица, густая борода, он понимал то, что ему говорили, но самостоятельно был способен произнести только слова «Питер», «король Георг» и напеть несколько песен. Питер умер 22 февраля 1785 года и был похоронен в Норткраче непосредственно у главного входа церкви св. Марии. Заметим, что воспитанием Питера занимались на самом высоком уровне, он был предметом пристального внимания, а результат оказался нулевым, но случай с Питером был не единственным в эту эпоху всеобщей власти Разума, когда все поголовно верили под вли-

янием идей Руссо в преобразующую роль правильного воспитания.

Дикий мальчик из Авейрона: история Виктора

Девятого января 1800 года из леса вблизи деревни Сен-Сернен, расположенной на юге Франции, вышел мальчик в возрасте одиннадцати-двенадцати лет. Он передвигался в вертикальном положении, но не мог говорить и издавал лишь бессмысленные звуки. Он был одет в превратившуюся в лохмотья рубашку и совершенно не стеснялся своей наготы. Его схватили, когда он проник в огород местного дубильщика кож, чтобы накопать там овощей для еды. Как часто бывает в таких небольших деревнях, молва быстро разнесла новость о поимке «дикаря». Так началась история дикого мальчика из Авейрона, как его стали с тех пор называть, – дикого ребенка, о котором вскоре заговорила вся Европа.

По сохранившимся описаниям, мальчик имел рост примерно метр сорок, белую (но слегка смугловатую) кожу, круглое лицо, острый нос, спутанные темно-каштановые волосы и сотни маленьких шрамов, покрывавших все его тело. Кроме того, у него на горле был еще один шрам длиной 41 мм. Эти шрамы породили спекуляции о том, что в какой-то период времени с ним плохо обращались и перерезали ему горло, прежде чем оставить одного. Его правая нога была

слегка подогнута вовнутрь, так что при ходьбе он немного прихрамывал. Было быстро установлено, что он не получил «домашнего» воспитания: он мочился и испражнялся в любом месте, где испытывал в этом потребность. Он предпочитал есть только картофель, который сначала бросал в костер, а затем, обжигаясь, быстро запихивал себе в рот. Всем, увидевшим его в первые дни (а среди них было много просто любопытных людей), было ясно, что он в течение какого-то времени жил в лесу один и был полностью лишен каких-либо социальных контактов. Через два дня мальчика поместили в сиротский приют в местечке Сент-Африк и дали ему имя Жозеф. В приюте Жозеф сразу замкнулся в себе и начал испытывать своего рода депрессию; по сообщениям очевидцев, он не издал ни единого звука в течение двух недель. Он отказывался практически от любой еды, за исключением картофеля, и пил только воду. Он разрывал любую одежду, которую на него надевали, и спал только на полу. Все его органы чувств были в полном порядке, но он уделял внимание только еде и сну. Директор приюта быстро понял, что у него появился уникальный индивид, который заинтересует в равной степени и ученых, и дилетантов. Он назвал мальчика «феноменом» и разослал письма в парижские газеты с предложением о том, чтобы обследованием ребенка занялось государство. История о enfant sauvage de L'Aveyron – «диком ребенке из Авейрона» стала в Париже главной темой разговоров. Наконец-то появилась возможность проверить на практике

философские идеи Жан-Жака Руссо…

В своих ранних сочинениях Руссо утверждал, что человек является, в сущности, хорошим, «благородным дикарем», пока он пребывает в «природном состоянии» (состоянии, в котором находятся все другие животные и в котором он находился до возникновения цивилизации и общества), и что «хорошие» люди сделались несчастными и испорченными в результате своего опыта жизни в обществе. Он считал общество «неестественным» и «развращенным» и был уверен в том, что его дальнейшее развитие принесет человеку еще больше несчастий. Обнаружение «дикого ребенка» давало людям возможность проверить эти взгляды и подробно изучить ребенка, который вырос таким, каким его создала природа, и не испытал «противоестественных» влияний общества.

В то время в Париже существовал знаменитый институт для глухонемых, директором которого был Рош-Амбруаз Кукуррон Сикар (Roche-Ambrois Cucurron Sicard), уважаемый ученый и общепризнанный эксперт в области обучения глухих. Прочитав об этом случае, Сикар написал два письма с просьбой о взятии ребенка под опеку государства с целью проведения научных исследований. Одно из писем было направлено Люсьену Бонапарту, брату Наполеона и министру внутренних дел молодой республики. При наличии таких влиятельных друзей казалось неизбежным, что ребенок окажется объектом пристальных исследований в Париже.

Однако местный комиссар правительства заявил, что мальчик останется в приюте на какое-то время, чтобы власти могли проверить правдивость этой истории (существовали опасения, что это мистификация), и чтобы родители из окрестных мест, дети которых пропали и не были найдены, могли бы прийти и выяснить, не является ли этот мальчик их сыном. В этот период Жозеф начал постепенно делать свою диету более разнообразной: он стал есть горох, зеленые бобы, грецкие орехи и ржаной хлеб. Через четыре месяца он уже ел мясо, но, по-видимому, ему было безразлично, является ли оно вареным или сырым. Он имел обыкновение собирать остатки еды и закапывать их в саду, возможно, для того, чтобы съесть их позднее.

В дальнейшем были предприняты попытки выяснить подробности этой истории. Необходимо было найти ответы на многие интригующие вопросы. Был ли мальчик «дитя природы»? Был ли он действительно диким ребенком или же просто слабоумным, оставленным в лесу за несколько недель до его обнаружения? Мог ли он сам заботиться о себе в условиях дикой природы? Как долго мальчик жил в одиночестве? Где и как он жил?

В полученных рапортах сообщалось, что голого мальчика видели примерно два-три года тому назад в окрестностях деревни Лакон (Lacaune), расположенной примерно в семидесяти милях к югу от Сен-Сернена. Он питался корнями и желудями и убегал от всякого, кто пытался к нему приблизить-

ся. Иногда замечали, что он передвигается на четвереньках, но позднее выяснили, что он делал это только в состоянии крайней усталости. Отсутствие на его коленях мозолей указывало на то, что дикарь ходил в вертикальном положении. По-видимому, крестьяне из окрестных деревень знали о его существовании и относились к нему просто как к какой-то диковинке, не заслуживающей особого внимания. Имелись сообщения о том, что однажды, в 1798 году, его поймали и выставили напоказ на деревенской площади, однако Маугли сумел убежать и пропал из поля зрения примерно на один год. Затем в июне 1799 года на него случайно наткнулись три охотника и взяли его в качестве трофея. Одна местная вдова присматривала за ним в течение нескольких недель; она научила его готовить картофель и дала ему рубашку, в которой его и увидели несколько месяцев спустя. Благодаря доброте, проявленной вдовой, мальчик, по-видимому, начал охотнее идти на контакты с людьми и стал часто попадаться на глаза местным крестьянам. Иногда он подходил к отдельно стоящим крестьянским домам и садился поблизости, ожидая, пока ему вынесут какую-нибудь еду. Один крестьянин регулярно давал мальчику картофель, который тот пек на костре и поедал горячим. Насытившись, он снова исчезал среди окрестных холмов, чтобы спрятаться там от посторонних глаз.

По сути, крестьяне относились к нему как к дикому животному, регулярно появляющемуся у их домов. Хотя они

видели в нем человеческое существо, но не считали себя обязанными попытаться поймать его или дать ему одежду. В те дни людям нередко приходилось видеть «деревенских дурачков», живших рядом с ними, и поэтому дикий мальчик был отнесен крестьянами к той же категории. Мальчик вполне мог продолжать вести подобный образ жизни, но по какой-то причине он решил двинуться на север и дошел до Сен-Сернена. Местный комиссар в течение нескольких недель пытался выяснить, что произошло с мальчиком в прошлом, но не нашел каких-либо надежных сведений, позволяющих объяснить, как ребенок оказался совершенно один в лесу. Впоследствии появилось множество выдуманных историй о ребенке, брошенном на съедение волкам, и других подобных ужасах.

Чтобы проверить, не является ли данный случай мистификацией, Жозефа подвергли нескольким довольно примитивным испытаниям. Например, ему дали зеркало, чтобы оценить его реакцию. Он не узнал себя и даже попытался протянуть руку, чтобы схватить картофель, увиденный им в зеркале. Имелись также сомнения относительно того, как он сумел пережить относительно суровые зимы, характерные для этой области Франции. К тому же мальчик предпочитал подолгу сидеть около огня. Чтобы проверить его способность переносить холод, его раздели и вывели морозным вечером на улицу. Он этому никак не сопротивлялся и, по-видимому, даже получил удовольствие от такой прогулки на

свежем воздухе. Отсюда был сделан вывод о том, что дикий мальчик, подобно кошкам и собакам, был довольно нечувствительным к холоду, но при любой возможности предпочитал располагаться поближе к теплу.

После пяти месяцев пребывания в местном приюте мальчик продемонстрировал слабый прогресс. Люди, отвечавшие за его воспитание, испытывали разочарование и утверждали, что Маугли по-прежнему больше похож на животное чем на человека. Было решено, что лучше всего отправить его для дальнейшего обучения в Париж. К сожалению, по дороге в столицу дикарь заболел оспой, что серьезно задержало его в пути. Тем не менее, 6 августа 1800 года на почтовой карете дикий мальчик был доставлен в институт для глухонемых, который располагался в Люксембургском саду. Жозефа немедленно передали в руки Сикара. В первые две недели Сикар был настолько занят другими делами, что Жозеф оказался фактически брошенным еще раз. Он к тому времени заметно растолстел, ему стало нравиться, когда его щекочут, и довольно часто его видели смеющимся, хотя никто с уверенностью не знал, над чем же он смеется на самом деле. Однако эти видимые признаки прогресса наблюдались на фоне удручающего поведения. Жозеф по-прежнему не пользовался туалетом и совершенно открыто демонстрировал все проявления естественных функций своего организма. Его не интересовало практически ничего, кроме пищи и сна. Действительно, как отмечалось в отчетах, «вся его суть была скон-

центрирована в желудке». Он практически не уделял никакого внимания происходящему вокруг него и ничем не интересовался. Он стал равнодушным практически ко всему, избегал других детей, находившихся в институте, но никогда не вел себя нечестно или подло по отношению к другим людям.

Имеются противоречивые сведения о свободе, которой пользовался Жозеф в институте. В одних отчетах утверждается, что он был полностью предоставлен сам себе и никогда не пытался сбежать (что было для него вполне возможным); в других же отчетах сообщается, что его часто сажали на цепь, чтобы предотвратить попытки бегства. Но в любом случае, для Жозефа в эти три месяца, по-видимому, не было сделано ничего, и в результате его состояние стало ухудшаться. Он начал пачкать свою постель и наносить себе различные повреждения, а также бить и царапать тех, кто за ним ухаживал. Его часто посещали любопытные люди, которые за определенную мзду получали от смотрителей возможность увидеть «дикого ребенка». Эти посетители постоянно докучали Жозефу, который бесцельно слонялся по коридорам здания и институтскому саду в самом жалком состоянии. Сикар, этот «великий воспитатель», в данном случае, по-видимому, полностью игнорировал свои обязанности. Жозеф, о котором недавно говорила вся страна, вновь стал всеми забытым и покинутым ребенком. Есть подозрение, что Сикар счел этот случай безнадежным и решил во-

все не браться за него, чтобы не рисковать своей репутацией. Позднее была создана еще одна комиссия для систематического измерения и уточнения способностей Жозефа. Ее выводы совпали с выводами Сикара: Жозеф является «идиотом», обладающим исключительно животными инстинктами, развившимися у него в период пребывания в лесу, и поэтому ему ничем нельзя помочь.

Жизнь Жозефа катилась в никуда, но осенью 1800 года в ней наконец-то забрезжила надежда после прихода в институт нового доктора по имени Жан-Марк Гаспар Итар (Jean-Marc Gaspard Itard). Итар заинтересовался Жозефом и начал пристально наблюдать за его поведением. Он подметил в мальчике некоторые обнадеживающие моменты, на которые не обратили внимание другие ученые, и начал осуществлять программу оценки и развития его способностей. Итар получил специальное помещение в институте, в котором он мог без помех работать с Жозефом. Он был молодым доктором, преисполненным энтузиазма и открытый новым идеям и новаторским методам лечения. Не имея собственной семьи, доктор посвятил всю жизнь работе и завещал все свое состояние на цели улучшения условий жизни глухонемых воспитанников института. Итар неофициально стал временным приемным отцом Жозефа и начал уделять мальчику все больше и больше времени. Итар, в отличие от Сикара, верил, что для Жозефа существует надежда. Итар считал, что люди являются продуктом их окружения, и поэтому верил

в возможность перевоспитания Жозефа при создании соответствующих условий. Если бы эксперимент удался, то теория развития человека «с чистого листа» (tabula rasa) получила бы явное подкрепление. Эта теория предполагает, что дети появляются на свет с немногими врожденными способностями и что развитие ребенка происходит в результате внешних воздействий. Эта точка зрения во многом соответствует «воспитательному» аргументу в споре о соотношении ролей природы и воспитания. Однако по прошествии десяти лет (в 1810 году) Сикар написал доклад о диком мальчике, в котором подтвердил, что первоначальный диагноз – «полный идиотизм» – был правильным и что с тех пор в данном случае не было достигнуто практически никакого прогресса.

Постскриптум к успешной (или неудачной) истории о диком мальчике из Авейрона был написан самим Итаром через двадцать лет после ее завершения. Итар сообщал о том, что «значительная часть моего времени из тех десяти лет была посвящена этому важному эксперименту. Мальчик… не получил в результате моих усилий всех тех выгод, которые я надеялся ему обеспечить. Но те многочисленные наблюдения, которые я смог сделать, те обучающие процедуры… не пропали бесследно, и позднее я использовал их с гораздо большим успехом в работе с детьми, немота которых была вызвана менее серьезными причинами».

Глава II
Наука эпохи Просвещения
(*Станислав Жаринов*)

Если говорить о веке Разума, то, прежде всего, разум проявляется в интеллектуальной сфере деятельности, то есть в науке. Так какие новые научные знания подарил человечеству век Просвещения? Начнем с возникновения новой метрической системы. Именно открытие этой универсальной системы измерения позволило человеческому Разуму определить вес Земли, измерить расстояния между различными небесными светилами, то есть ворваться в ту область, которая еще совсем недавно считалась исключительно епархией святой веры. Небо было обиталищем Бога, и вдруг это самое небо стало исчисляться с помощью метра. Как же был открыт этот самый метр?

Обилие единиц измерения и различия между ними в разных регионах затрудняли торговлю и вызывали огромные проблемы при перевозке грузов. Их унификация стала одной из целей Великой французской революции. 9 февраля 1790 года Клод-Антуан Приер-Дювернуа (1763–1832) по прозвищу Приер из Кот-д'Ор, военный инженер, отвечавший за реквизирование оружия и боеприпасов на нужды революции, подал по этому поводу петицию в Национальное собра-

ние Франции.

Проект по определению универсальных единиц измерения способствовал не только социальному прогрессу – научное сообщество также видело необходимость определения универсальных мер, и Французская академия наук сыграла в реализации проекта немалую роль. Единицы измерения должны были использоваться для измерения различных величин, которые с точки зрения физики определялись как общие характеристики различных объектов и веществ, например вина и масла. Если требовалось измерить количество вина и масла, то не имело смысла использовать две разные единицы измерения, так как оба этих вещества являются жидкостями – достаточно одной, общей единицы. Спустя несколько лет была введена такая единица измерения – литр.

Одна из основных физических величин – это длина, которая является общей характеристикой для множества объектов и позволяет определить их размеры. Существовало множество мер длины, и казалось логичным начать с определения общей единицы измерения длины. Кроме того, требовались точные инструменты как для измерения эталона длины, так и для изготовления необходимого числа его копий. Для реализации проекта были все условия: совершенные ранее открытия позволяли изготовить очень точные измерительные инструменты.

При определении требований к новым универсальным единицам измерения решающую роль сыграли идеи равен-

ства, провозглашенные французской революцией. Этих требований было три: во-первых, новые единицы измерения были обязательными к применению во всех странах, во-вторых, они должны были быть неизменными, в-третьих, они не должны были быть антропоморфными.

Выбор меридиана

Какими свойствами должна была обладать новая мера длины? Какие предложения звучали и как было принято окончательное решение? Наконец, почему было решено измерить длину дуги меридиана и какую именно? Ответы на эти вопросы были получены по результатам трех экспедиций, организованных с целью установления метра как универсальной единицы измерения расстояния.

Согласно постановлению Французской академии наук, требовалось найти меру длины, которая бы определялась на основе некоего явления природы, так как природа считалась неизменной и принадлежащей всему человечеству. Таким образом удалось бы обеспечить стабильность новой меры и ее неизменность с течением времени.

Но какое явление природы могло стать основой для такой единицы измерения при соблюдении вышеуказанных условий? Было рассмотрено три варианта: первый – длина маятника, второй – длина дуги экватора, третий – длина дуги меридиана.

Какие размеры должна была иметь новая мера длины, чтобы ее было удобно использовать в обычной жизни? В качестве отправной точки была выбрана мера, равная половине туаза. Таким образом, три приведенных выше варианта уже можно было рассмотреть подробнее. Этим занялась комис-

сия Французской академии наук по просьбе Национального собрания.

8 мая 1790 года, спустя три месяца после того, как Приер из Кот-д'Ор предложил определить универсальную меру длины, Национальное собрание на своем специальном заседании обсудило различные варианты. Прозвучало два важных доклада, в которых обосновывалась необходимость проведения метрической реформы и определения новой меры длины на основе длины маятника. Шарль Морис де Талейран, председатель собрания и епископ Отена, предложил считать эталоном длины маятник, отсчитывавший секунды на широте 45°. Во втором докладе, прочитанном самим Приером из Кот-д'Ор, указывалось, что новая система мер должна быть десятичной. Приер разделил маятник на три равные части длиной в один фут и описал следующую десятичную систему: фут равнялся 10 дюймам, дюйм – 10 линиям.

Заслушав все доклады, собрание поручило Академии наук изучить высказанные предложения и определить, как следует провести реформу системы мер. Академия, в свою очередь, организовала комиссию, куда вошли самые известные ученые того времени: Пьер-Симон Лаплас, Жозеф Луи Лагранж, Жан-Шарль де Борда, Гаспар Монж и Никола де Кондорсе. 19 марта 1791 года комиссия опубликовала доклад, где были представлены три варианта меры длины, пригодной во все времена и для всех народов:

– длина маятника, половина периода колебаний которого

равна одной секунде на 45° широты;

– четвертая часть экватора;

– четвертая часть меридиана.

Хотя соотношения между часами, минутами и секундами описываются не десятичной, а шестидесятеричной системой счисления, использовать ее сравнительно просто, поэтому она и сохранилась до наших дней. Пересчет других единиц измерения в иных системах счисления был намного сложнее, так что с введением метра эти единицы измерения ушли в прошлое.

Французская академия наук поддержала десятичную систему, предложенную Приером, и склонилась к тому, чтобы из трех предложенных вариантов выбрать в качестве новой единицы измерения длину меридиана. После публикации доклада Академии наук окончательное решение оставалось за Национальным собранием.

26 марта 1791 года Национальное собрание утвердило решение Академии наук и выбрало третий вариант из предложенных. Собрание постановило: «Единицей измерения длины станет четвертая часть земного меридиана, а общеупотребительной мерой длины – десятимиллионная ее часть». На том же заседании было утверждено название новой единицы измерения – «метр» (от древнегреческого μετρητής – «мера»).

Почему Академия наук определила метр на основе длины земного меридиана?

К тому времени уже было получено несколько достаточно точных оценок его длины, однако требовалось реализовать намного более масштабный проект, который позволил бы добиться высокой точности измерений.

А до того задачу измерения Земли пытались решить еще во времена французской монархии. Задолго до описываемых событий была предпринята попытка измерить экватор в малоизученных областях, но французские ученые еще помнили, с какими трудностями столкнулась экспедиция в вице-королевство Перу. Как мы видим, век Просвещения стремился рационализировать и научно описать саму нашу планету так, чтобы точно определить ее размеры, вес и местоположение в бесконечной Вселенной. И ученые в этот период были настоящими авантюристами, по своему поведению мало чем отличающимися от того же Калиостро или графа Сен-Жермена. Разница была лишь в том, что первые направляли свой ум на познание окружающего мира, а вторые были озабочены лишь собственным нарциссизмом.

Вот, например, как выглядела экспедиция в Перу, предпринятая с целью измерить экватор. Начальником экспедиции был Шарль Мари де ла Кондамин, за научную часть отвечали астроном Луи Годен и Пьер Буге. Однако Годен вскоре отделился от основной партии из-за разногласий в методике работы, а позднее был уличен в растрате средств, поступавших из Франции. Он также отказался делиться с коллегами полученными результатами. Как мы можем видеть и

среди ученых попадались люди корыстные. Но это полбеды.

«Если бы вам пришлось выбирать самое неудачливое научное путешествие всех времен, то ничего хуже перуанской экспедиции французской Королевской академии наук 1735 года вы бы наверняка не нашли», – писал в свое время известный популяризатор науки Билл Брайсон. Это была группа ученых и искателей приключений под руководством гидрографа Пьера Буге и военного математика Шарля Мари де ла Кондамина, которая отправились в Перу проводить триангуляционные измерения расстояний в Андах.

Триангуляция – выбранный экспедицией метод измерения – представляла собой распространенный прием, основанный на известном геометрическом факте: если вы знаете длину одной стороны треугольника и величины двух его углов, то все остальные его размеры вы можете вычислить, не вставая со стула. Предположим в качестве примера, что мы с вами решили узнать расстояние до Луны. Первым делом для применения метода триангуляции мы должны установить расстояние между нами: скажем, вы остаетесь в Париже, а я отправляюсь в Москву, и мы оба одновременно смотрим на Луну. Теперь, если вы мысленно соедините линией три главных объекта нашей задачи – т. е. вас, меня и Луну, – то образуется треугольник. Измерьте длину базисной линии между вами и мной и величину обоих углов, а остальное легко вычислить. (Поскольку сумма внутренних углов треугольника всегда составляет 180 градусов, то, зная сум-

му двух углов, вы сможете моментально вычислить третий; а точное знание формы треугольника и длины одной из сторон подскажет вам длину двух других сторон). По существу, именно этот способ применил в 150 г. до н. э. греческий астроном Гиппарх Никейский, чтобы определить расстояние от Земли до Луны. На поверхности Земли принципы триангуляционной съемки остаются такими же, только треугольники не достигают космоса, а ложатся бок о бок на карту. Для измерения градуса меридиана геодезисты строят своего рода цепочку треугольников, протянувшуюся по местности.

В то время людьми наконец овладело сильное желание понять Землю: определить ее возраст, массу, место, где она висит в космическом пространстве, и узнать, каким образом она возникла. Цель французской группы состояла в том, чтобы способствовать решению вопроса о длине окружности планеты путем измерения длины одного градуса меридиана (или одной 360-й расстояния вокруг планеты) вдоль линии протяженностью около 320 км и проходящей от местечка Яруки, близ Кито, до точки за городом Куэнкой (все это ныне находится в Эквадоре).

Почти сразу дела не заладились, причем порой вопиющим образом. В Кито пришельцы чем-то вызвали недовольство местных жителей и были изгнаны из города вооруженной камнями толпой. Вскоре после этого в конфликте из-за женщины был убит врач экспедиции. Ботаник сошел с ума. Другие умирали от лихорадки или погибали от падений в горах.

Технический помощник Жан Годен, племянник одного из руководителей Луи Годена, бежал с 13-летней девочкой, и его не смогли уговорить вернуться.

Одно время группа должна была прервать работу на восемь месяцев, пока ла Кондамин ездил в Лиму улаживать вопрос с необходимыми разрешениями. И в довершение всего ла Кондамин и Буге перестали разговаривать друг с другом и отказались вместе работать. Где бы ни появлялась эта все сокращающаяся в размерах экспедиционная партия, должностные лица встречали ее с глубочайшей подозрительностью, с трудом веря, что группа французских ученых проехала полмира, чтобы измерить Землю. Это казалось абсолютной бессмыслицей. Но все объяснялось тем, что в знаменитых «Началах» Исаака Ньютона было дано научное описание гравитации. Законы Ньютона объясняли такое множество вещей – морские приливы и отливы, движения планет, траекторию пушечных ядер, прежде чем они упадут на землю, и почему при вращении нашей планеты со скоростью в сотни километров в час нас не выбрасывает в космическое пространство, – что потребовалось какое-то время, чтобы постепенно осмыслить их значение.

Но одно открытие почти сразу вызвало споры. Это было предположение о том, что Земля не совсем круглая. Согласно теории Ньютона, центробежная сила вращения Земли должна приводить к появлению небольшого сжатия у полюсов и выпуклости у экватора, от чего планета должна стать

слегка сплющенной. Это означало, что длина градуса меридиана в Италии не будет такой же, как в Шотландии. А именно, эта длина будет уменьшаться по мере удаления от полюсов. Эта идея вряд ли пришлась по вкусу тем ученым, чьи измерения размеров планеты строились на предположении, что она представляет собой идеальный шар, а так думали все.

Полстолетия люди пытались определить размеры Земли, главным образом путем весьма скрупулезных измерений. Одна из первых попыток такого рода была предпринята английским математиком Ричардом Норвудом. В молодости Норвуд ездил на Бермуды с водолазным колоколом, изготовленным по проекту Галлея, намереваясь сбором жемчуга на морском дне составить состояние. Проект закончился неудачей, потому что жемчуга там не оказалось, к тому же колокол Норвуда не работал, однако Норвуд был не из тех, кто пренебрегает приобретенным опытом.

В начале семнадцатого века Бермуды славились среди капитанов тем, что их было трудно отыскать. Дело в том, что океан велик, Бермуды малы, а навигационные приборы были абсолютно непригодны для преодоления этой несоразмерности. Не было даже согласия относительно длины морской мили. На океанских просторах малейшая ошибка в расчетах многократно возрастала, так что корабли часто очень сильно промахивались мимо целей величиной с Бермуды. Норвуд, первой любовью которого была тригонометрия, а значит и

измерение углов, решил привнести в навигационное искусство долю математической точности и с этой целью взялся определить длину градуса.

Отправившись от стен лондонского Тауэра, Норвуд за 2 года самозабвенно прошагал 333 км на север до Йорка, по пути бесчисленное множество раз растягивая мерную цепь и педантично делая поправки на подъемы, спуски и изгибы дороги. Последним шагом было измерение высоты солнца в Йорке в то же время дня и в тот же день года, когда он сделал первое измерение в Лондоне. Исходя из этого, рассуждал он, можно определить длину одного градуса земного меридиана и тем самым вычислить длину всей окружности. Это была почти абсурдная по своей амбициозности затея – ошибка в малейшую долю градуса исказила бы результат на много миль, – однако на деле оказалось, как с гордостью провозгласил Норвуд, что он измерил градус с точностью «до щепотки», а если точнее, то приблизительно до пятисот метров. Итоговая величина составляла 110,72 км на градус меридиана.

В 1637 году вышел в свет шедевр Норвуда в области навигации «Практическое руководство морехода», книга, немедленно ставшая популярной. Она выдержала семнадцать изданий.

Тем временем интерес к определению длины окружности Земли переместился во Францию. Там астроном Жан Пикар разработал поразительно сложный метод триангуляционной

съемки с применением квадрантов, маятниковых часов, зенитных секторов и телескопов (для наблюдения за движением спутников Юпитера). В 1669 году, после двухлетних разъездов по всей Франции и триангуляционных съемок по своему методу, он объявил уточненный размер одного градуса меридиана – 110,46 км. Это стало источником великой гордости для французов, но результат основывался на предположении, что Земля представляет собой идеальный шар, а Ньютон теперь утверждал, что это не так.

Положение еще более осложнилось, когда после смерти Пикара Джованни и Жак Кассини, отец с сыном, повторили его эксперименты на большей площади и пришли к выводу, что Земля становится толще к полюсам, а не к экватору – другими словами, что Ньютон ошибался с точностью до наоборот. Именно это обстоятельство подтолкнуло Академию наук послать Буге и ла Кондамина в Южную Америку для новых измерений.

Они выбрали Анды, потому что требовалось проводить измерения близ экватора, дабы определить, действительно ли здесь имеется отличие в кривизне земной поверхности, и потому что они полагали, что в горах видимость будет лучше. На деле же оказалось, что горы в Перу постоянно окутаны облаками, и группе приходилось неделями ждать ясного часа для проведения работ. И в довершение всего они выбрали почти самую труднопроходимую местность на Земле. Перуанцы называют свой ландшафт muy accidentado – силь-

но изорванным, – и он, вне всякого сомнения, именно такой. Французам пришлось карабкаться по одним из самых трудных в мире гор – горам, которые не могли одолеть даже их мулы, – но чтобы добраться до них, пришлось переправляться через бурные реки, прорубаться через джунгли, пересечь протянувшуюся на много миль высокогорную каменистую пустыню, и почти все это не было нанесено на карты и находилось вдали от каких-либо источников снабжения. Но Буге и ла Кондамину настойчивости было не занимать, и они упорно выполняли поставленную перед ними задачу на протяжении 9,5 долгих, суровых, опаленных солнцем лет. Незадолго до завершения проекта до них дошла весть, что другая французская группа, проводившая измерения на севере Скандинавии (и тоже столкнувшаяся с серьезными препятствиями от болотных трясин до опасных ледяных торосов), обнаружила, что ближе к полюсам градус действительно длиннее, как и предсказывал Ньютон. Земля оказалась на 43 км толще, если измерять ее на экваторе, чем при измерении сверху вниз – от полюса к полюсу.

Таким образом, Буге и ла Кондамин потратили почти десять лет на получение результата, который не слишком им нравился, и все для того, чтобы, получив его, узнать, что они даже не были первыми. Без всякого интереса они завершили съемки, подтвердившие правильность результатов другой французской группы. Затем, по-прежнему не разговаривая друг с другом, вернулись на побережье и на разных кораблях

отплыли домой.

В «Началах» Ньютона содержалось еще одно предположение – о том, что отвесная линия будет вблизи горы слегка отклоняться к ней под воздействием ее гравитационной массы наряду с земной. Это был более чем любопытный факт. Если точно измерить угол отклонения и определить массу горы, можно вычислить постоянную всемирного тяготения, то есть фундаментальную для силы гравитации величину, обозначаемую буквой *G*, а заодно и определить массу Земли.

Буге и ла Кондамин попытались сделать это на перуанском вулкане Чимборасо, но потерпели неудачу из-за технических трудностей и собственных раздоров, так что идея была оставлена в покое на 30 лет, пока ее не воскресил в Англии королевский астроном Невил Маскелайн.

Но вернемся к истории создания эталонного метра. Что же заставило французских ученых отправиться в неспокойное революционное время в долгосрочную экспедицию?

По мнению некоторых историков, причина заключалась в том, что один из членов комиссии, Борда, создал очень точный инструмент для измерения углов. Измерение меридиана в конечном счете доказало бы эффективность этого инструмента, и его можно было бы использовать для топографических и астрономических расчетов.

Так как измерить длину четверти меридиана от Северного полюса до экватора невозможно, была предпринята попытка

измерить максимально возможную дугу меридиана по суше и экстраполировать результаты. Чтобы компенсировать воздействие рельефа и неидеальной формы Земли, следовало выбрать дугу меридиана вблизи 45-й параллели, такую, что ее концы находились бы на уровне моря, а в середине не было бы высоких гор. Таким образом, требовалось обойти два крупнейших горных хребта Европы – Альпы и Карпаты.

Были рассмотрены три варианта: Амстердам – Марсель, Шербург – Мурсия и Дюнкерк – Барселона.

В итоге был выбран третий вариант, так как ранее, в 1739 году, на этом меридиане уже были проведены частичные измерения – так, было измерено расстояние от Дюнкерка до Перпиньяна. Возможно, на решение повлияло и то, что на этом меридиане находился Париж, и именно по этой причине от участия в проекте в 1791 году отказались англичане, которые ранее были готовы сотрудничать.

В апреле 1791 года комиссия Французской академии наук поручила реализацию проекта Жан-Батист-Жозефу Деламбру, Жану Доминику Кассини, Адриен-Мари Лежандру и Пьеру Мешену. Преданный королю Кассини отказался сотрудничать с революционным правительством, заключившим под стражу короля Людовика XVI. 15 февраля 1792 года Деламбр был единогласно избран членом Академии наук.

В мае 1792 года, после того как Кассини окончательно отказался участвовать в проекте, Деламбру было поручено возглавить экспедицию на север, из Родеза в Дюнкерк, Мешену

– экспедицию на юг, из Родеза в Барселону.

В январе 1806 года, уже после смерти Мешена, Деламбр закончил работу над трехтомным трудом, где были изложены все полученные им данные, условия наблюдений и расчеты, выполненные в ходе триангуляции. Труд носил название «Основы метрической десятичной системы, или Измерение дуги меридиана, заключенной между параллелями Дюнкерка и Барселоны. Выполнено в 1792 и следующих годах Мешеном и Деламбром».

Естественным образом возникает вопрос: какой точности измерений удалось добиться? Были измерены два основания: одно, между Льеэном и Меленом, – непосредственно для расчетов, второе, между городами Верне и Салз на юге Франции, возле побережья – для проверки результатов. Длина первого основания составила 6 075,90 туаза (11,8 км), длина второго – 6 006,249 туаза (11,7 км). Длина второго основания, вычисленная на основе первого с использованием сети из 53 треугольников общей протяженностью в 640 км, составила 6006,089 туаза. Ошибка оказалась равной всего 0,16 туаза, то есть 30 см. Получалось, что эталонный метр не совсем соответствовал своему предназначению. Экспедиция, которая оказалась весьма рискованной, не достигла ожидаемого результата. Но что же произошло с ее участниками?

Так, крайне скрупулезный Мешен отвечал за измерение южной части меридиана (Каркасон – Пиренеи – Кампродон –

Пуигсакальм – Матагаллс – Барселона). С ним в путь отправились военный инженер и картограф Жан Жозеф Траншо, изготовитель инструментов Эстевени, учившийся вместе с Ленуаром, и слуга по имени Лебрен. В начале июля 1792 года участники экспедиции достигли Пиренеев, а в октябре добрались до Барселоны.

К чисто геодезическим проблемам прибавились и другие трудности. 1 мая 1793 года Мешен с каталонским ученым Франсеском Сальвой отправился в пригород Барселоны, чтобы понаблюдать за установкой водяного насоса. В результате несчастного случая рычаг длиной почти в два с половиной метра ударил Мешена в грудь и отбросил его к стене; бездыханный Мешен свалился на землю. Доктор Франсеск Сантпонф, лучший хирург города, установил: у ученого раздавлена правая сторона груди, расплющены ребра, в нескольких местах сломана ключица. Даже полгода спустя он по-прежнему не мог пошевелить правой рукой, но, к счастью, позже полностью оправился.

В 1793 году казнь Людовика XVI привела к войне между Францией и Испанией, что также задержало экспедицию.

После завершения триангуляции на территории Испании Мешен попытался вернуться во Францию, но военное командование запретило ему покидать страну. Закрытым для него оказался и замок Монжуик, откуда он ранее производил наблюдения. Мешен провел новые наблюдения из пансионата на улице Эскуделлерс, в котором он остановился, и об-

наружил в результатах наблюдений, произведенных с Монжуика, возможную ошибку в 3,24". Эта ошибка не давала ему покоя до самой смерти. Ученый задержался в Барселоне с июня по ноябрь 1794 года, когда ему наконец разрешили вернуться во Францию.

Как и Мешен, Деламбр во Франции также столкнулся с рядом трудностей. Как правило, жители городов и деревень, где проходила сеть триангуляции, не понимали, что задумали эти господа, которые среди ночи подавали с колоколен или горных вершин видимые издалека сигналы. Эти сигналы подавались для того, чтобы избежать некоторых погрешностей измерения, возникавших днем, однако местные крестьяне принимали ученых за шпионов и порой разрушали их конструкции и даже забрасывали исследователей камнями. Очень часто их арестовывали по подозрению в шпионаже и подолгу держали под замком. В любой момент их могли расстрелять или отправить на гильотину по приговору революционного трибунала. И таких экспедиций было предпринято три, и каждая из них была связана с риском для жизни самих исследователей. Но ученых интересовала не только идея эталонного метра. Так, Пьер Франсуа Андре Мешен начал обучаться математике в Париже, но из-за финансовых трудностей ему пришлось оставить учебу и давать частные уроки. С ранних лет он занялся исследованиями в области астрономии и географии. Мешен посвятил жизнь тщательным астрономическим наблюдениям. Именно благодаря этому кро-

потливому труду он был назначен ответственным за измерение южной части дуги меридиана, от Родеза до Барселоны. С 1771 по 1774 год он вместе с Шарлем Мессье (1730–1817) занимался астрономическими наблюдениями и составлением каталогов небесных тел.

Целью наблюдений Мессье были кометы. Чтобы отличить их от других небесных тел, он начал составлять длинный перечень астрономических объектов, часть из которых была открыта Мешеном. Сперва перечень содержал около 40 объектов, но позднее, при содействии других астрономов, разросся до сотни. Этот каталог сегодня известен как каталог Мессье. К удовольствию любителей астрономии, все перечисленные в нем объекты видны на небе в бинокль или небольшой телескоп. В каталоге, разумеется, приведены только объекты, видимые в Северном полушарии, начиная от Северного полюса и заканчивая примерно 35-й параллелью.

Мешен умер во время второй своей экспедиции. Он изо всех сил пытался исправить ошибку, допущенную при первых измерениях меридиана.

8 января 1804 года Мешен отплыл на остров Ивиса (Ибица). Он посетил Ивису и Мальорку, после чего вернулся на Пиренейский полуостров. В августе 1804 года ученый провел измерения на горе Пуиг близ Беникасима и в городе Кастельон-де-ла-Плана. Однако Канельес, помощник Мешена по экспедиции, случайно допустил несколько ошибок в за-

писях, и в результате один из сигналов оказался расположен неверно. Чтобы исправить неточность, потребовалось две недели. Скорее всего, именно в это время Мешен подхватил «перемежающуюся лихорадку» (малярию), от которой 20 сентября умер в Кастельоне. Тогда же заболел и Канельес.

В честь 200-летней годовщины измерения дуги меридиана Дюнкерк – Барселона прошли различные культурные мероприятия. К примеру, на барселонской площади Глориас был установлен памятник на средства, пожертвованные властями Дюнкерка – города, который по ходу проекта стал побратимом Барселоны. Памятник представляет собой стальную стену длиной 50 метров и высотой 2 метра в наивысшей точке. Он воспроизводит в масштабе воображаемую линию, соединяющую Дюнкерк и Барселону. На ее концах установлены две мраморные таблички, обозначающие Атлантический океан и Средиземное море соответственно. В памятной надписи объясняется смысл памятника на трех языках: каталанском, испанском и французском.

Результатом геодезических, астрономических и математических исследований, проведенных под руководством Деламбра и Мешена, стало определение метра как универсальной единицы измерения длины. Пока они проводили измерения, 1 августа 1793 года была введена десятичная метрическая система, а вместе с ней – временный метр, определенный по результатам более ранних измерений.

22 июня 1799 года Национальному собранию был представлен окончательный эталон метра, изготовленный Ленуаром из платины, который пришел на смену временному метру, а также эталон килограмма, определенного как масса кубического дециметра дистиллированной воды при давлении в одну атмосферу и температуре 3,98 °С.

Эталоны были помещены на хранение в архивы Республики.

30 августа 1809 года на заседании Бюро долгот, где Араго представил свои расчеты и результаты измерений дуги меридиана от Барселоны до острова Форментера, было проведено сравнение старого и нового метра. Метр, определенный на основе новых данных, менее чем на 5 десятитысячных долей миллиметра отличался от платинового эталона, утвержденного в 1799 году. Ошибка была слишком мала, поэтому платиновый эталон остался неизменным. Лишь спустя 90 лет после его изготовления он был заменен эталоном из платиноиридиевого сплава (90 % платины, 10 % иридия), который был в меньшей степени подвержен деформациям и имел крестообразную форму. Новый эталон был помещен на хранение в Международное бюро мер и весов в городе Севр близ Парижа.

С определением метра родилась метрическая система мер, которую ждал долгий и трудный путь к популярности. Бельгия и Голландия перешли к ее использованию в 1816 году, Испания и Греция – в 1849-м, Португалия – в 1832-м,

Германия – в 1870-м, Австрия и Швейцария – в 1873-м.

Постепенно новую метрическую систему приняли почти все европейские страны, кроме Великобритании и США. Это и привело к фатальной ошибке в истории космонавтики.

23 сентября 1999 года спутник NASA Mars Climate Orbiter должен был закончить полет продолжительностью в 286 дней и приземлиться на поверхности Марса. Однако спутник был потерян из-за несогласованности использованных единиц измерения. Mars Climate Orbiter был разрушен в результате ошибки, которая заключалась в том, что в центре управления на Земле использовалась английская система мер и все данные отправлялись спутнику именно в этой системе, а на самом спутнике расчеты проводились в метрической системе.

Минимальное расстояние, на которое спутник мог приблизиться к поверхности планеты, прежде чем начать заход на посадку, составляло 53 мили – в противном случае он мог быть поврежден под действием высоких температур. Спутник снизился на высоту в 59,54 мили, и казалось, что все идет по плану. Однако на самом деле высота была указана в километрах, и произошла катастрофа: 59,54 больше, чем 53, но 59,54 километра – это всего 37 миль, что намного меньше предела в 53 мили, за которым следовало разрушение спутника.

Пренебрежение научным наследием века Просвещения было серьезно наказано.

Появление науки геологии

В целом, к концу XVIII века ученые имели очень точное представление о форме и размерах Земли и об ее удаленности от Солнца и планет.

В конце концов, необходимые материалы лежат буквально у нас под ногами. Но нет. Люди расщепят атом, изобретут телевидение, нейлон и растворимый кофе, прежде чем определят возраст собственной планеты.

Чтобы понять, почему так случилось, мы должны отправиться на север, в Шотландию, и начать со знакомства с яркой гениальной личностью, о которой мало кто слыхал, с человеком, который создал новую науку, называемую геологией.

По всем свидетельствам, Хаттон обладал проницательным умом, был живым собеседником, душой компании. Ему не было равных в понимании загадочных медленно текущих процессов, сформировавших Землю. К сожалению, ему не дано было изложить свои представления в доступном для всех виде. Он был, как заметил с тяжелым вздохом один из его биографов, «полным профаном по части владения словом». Почти от любой из написанных им строк клонило ко сну.

И тем не менее именно он в одиночку, без посторонней помощи, блистательным образом создал геологическую нау-

ку и изменил наши представления о Земле.

Хаттон родился в 1726 году в состоятельной шотландской семье, и материальное положение позволило ему большую часть жизни посвятить широкому кругу доставлявших удовольствие нетрудных занятий и интеллектуальному совершенствованию. Он изучал медицину, но она не пришлась ему по вкусу, и тогда он обратился к сельскому хозяйству, которое вел, не слишком себя обременяя, но на научной основе, в родовом имении в Бервикшире. Потом поля и стада ему надоели, и он в 1768 году переехал в Эдинбург, где основал преуспевающее предприятие – стал производить из сажи нашатырь и занялся различными научными изысканиями. В то время в Эдинбурге собрались лучшие интеллектуальные силы, и Хаттон сполна использовал возможности обогащения своих знаний. Он становится видным членом общества, носившего название «Ойстер клаб» («Устричный клуб»), где проводит вечера в компании таких людей, как экономист Адам Смит, химик Джозеф Блэк и философ Дэвид Юм, а также изредка посещавших клуб знаменитостей вроде Бенджамина Франклина и Джеймса Уатта.

В традициях своего времени Хаттон интересовался практически всем – от минералогии до метафизики. Наряду со многим другим он экспериментировал с химическими препаратами, изучал способы добычи угля и строительства каналов, бывал в соляных копях, размышлял над механизмами наследственности, собирал окаменелости, выдвигал теории

происхождения дождя и состава воздуха и даже формулировал законы движения. Но сферой его особых интересов была геология.

Среди вопросов, вызывавших интерес в этот фанатически любознательный век, был один, над которым люди долгое время ломали головы, а именно, почему раковины древних морских моллюсков и другие морские окаменелости так часто находят на вершинах гор. Как их туда занесло? Те, кто считал, что знают ответ, разделились на два противостоящих друг другу лагеря. Одна группа, известная как нептунисты, была убеждена, что все на Земле, включая морские раковины на невероятно возвышенных местах, можно объяснить повышением и понижением уровня моря. Нептунисты считали, что холмы, горы и другие детали рельефа стары, как сама Земля, и подвергались изменениям, только когда их заливало водой в периоды всемирных потопов.

Их оппонентами были плутонисты, которые отмечали, что вулканы и землетрясения наряду с другими активными процессами непрерывно меняют лицо планеты, но нет никаких признаков столь своенравного поведения морей. Плутонисты также задавали щекотливые вопросы, куда девается вода, когда не бывает потопов. Если ее хватало, чтобы затопить Альпы, то скажите тогда, где же она находится в спокойные времена, как теперь? По их убеждению, Земля наряду с поверхностными факторами подвергается воздействию мощных внутренних сил. Однако и они не могли убедительно

объяснить, как туда, наверх, попали все эти раковины моллюсков.

Размышляя над этими парадоксами, Хаттон как раз и высказал ряд поразительных догадок. У себя на ферме он наблюдал, что почва создается в результате эрозии горных пород и что частицы этой почвы постоянно смываются и уносятся ручьями и реками, чтобы осесть в других местах. Он понял, что если бы этот процесс продолжался до своего естественного завершения, то в конечном счете Земля стала бы довольно ровной. Однако вокруг возвышались холмы и горы. Ясно, что должен быть какой-то дополнительный процесс, некий путь восстановления и поднятия, формирующий новые холмы и горы, поддерживающий весь этот цикл. Окаменелые морские существа, решил он, не оставались на вершинах после наводнений, а поднимались вместе с самими горами. Он также пришел к выводу что внутренний жар Земли создает новые горные породы и континенты, вздымает горные хребты. Будет не лишним заметить, что геологи почти двести лет не могли в полной мере осознать значение этой идеи, пока наконец не получила признание концепция тектоники плит. Главная особенность теории Хаттона состояла в том, что предполагаемые процессы формирования Земли требовали таких колоссальных отрезков времени, которые тогда никто не мог даже представить. Словом, озарений было достаточно, чтобы в корне изменить наши представления о Земле.

Идеи Хаттона получили неожиданное продолжение в рамках масонской идеологии. Впрочем, именно масонам мы во многом и обязаны Просвещением.

Зимой 1807 года тринадцать проживавших в Лондоне единомышленников собрались в таверне франкмасонов, что на Лонг-Эйкр в Ковент-Гардене, с целью создать клуб, получивший название Геологического общества. Идея состояла в том, чтобы раз в месяц обмениваться мыслями по вопросам геологии за бокалом-другим мадеры и дружеским ужином. Стоимость ужина намеренно установили весьма изрядной, 15 шиллингов, дабы не поощрять тех, кто не мог подкрепить интеллектуальные заслуги также и финансовой самодостаточностью. Однако скоро стало очевидно, что требуется более солидная организация с постоянным помещением, где люди могли бы собираться, чтобы поделиться своими находками и обсудить их. Менее чем за 10 лет число членов общества возросло до 400 человек – разумеется, по-прежнему все джентльмены, – и Геологическое общество грозило затмить Королевское как главное научное общество страны.

Члены общества собирались дважды в месяц с ноября до июня, когда практически все разъезжались на лето для полевых изысканий.

Во всем тогдашнем цивилизованном мире, но особенно в Британии, ученые мужи выбирались за город, чтобы, по их выражению, немного «поломать камней». К этому занятию относились всерьез, старались одеваться надлежащим обра-

зом – цилиндры, темные костюмы, за исключением разве что преподобного Уильяма Бакленда из Оксфорда, имевшего привычку выходить на полевые работы в академической мантии. Так общими усилиями ученые-масоны и пытались определить возраст планеты Земля. Век Разума не мог смириться с библейской концепцией мира.

История развития сейсмологии

Древние люди все происходившие землетрясения относили к разряду сверхъестественных. Жители Японии предполагали, например, что их острова располагаются на огромном соме, который время от времени качается на волнах. Аристотель думал, что виновником всех землетрясений являются ветры. Находящиеся в пещерах недр Земли, они ищут себе выход на поверхность.

Первое устройство для детектирования землетрясений было изобретено древнекитайским ученым в 132 году н. э. – имя этого человека Чжан Хен. В XVIII веке считали, что упругие волны, проходя через земную кору способны вызывать землетрясения. Попытку объяснить это сделал Джон Митчелл, проанализировав показания очевидцев и опубликовав в 1760 году книгу о предполагаемых причинах возникновения землетрясений. Он приходит к выводу, что землетрясения – это есть волны, которые вызываются движением пород, находящихся под землей. Скорость сейсмических волн землетрясения, произошедшего в Лиссабоне в 1755 г., Митчелл оценил в 1930 км/час. Кроме этого он предположил место эпицентра, сопоставив данные о времени прибытия колебаний. Метод Митчелла лежит в основе современных способов определения эпицентра. Правда, прием, который он использовал, был неверным, потому что опирался на

свидетельские показания о направлении цунами.

В середине XIX века происходит новый скачок в развитии сейсмологии. Этот этап связан с именем Роберта Маллета, который в течение 20 лет занимался сбором данных об исторических землетрясениях. Кроме этого, он проводил натурные эксперименты. Маллет создал каталог мировой сейсмичности, в котором было описано 6831 землетрясение. Каждое их этих землетрясений имело дату, место, количество толчков и возможное направление, продолжительность колебаний и их последствия. При документировании землетрясений использовалась новая техника фотографии. Маллет ввел первую шкалу интенсивности землетрясений. В конце XIX и начале XX веков происходит целая череда разрушительных землетрясений, что дает основание России, Японии, США, европейским странам начать систематические наблюдения за этим стихийным бедствием.

Промышленная революция эпохи века Разума

Считается, что настоящая «промышленная революция» началась с английской «патентной революции» середины XVIII в. Законодательно защитив интеллектуальные права собственности, она позволила авторам изобретений получать прибыль от своего труда, что стало важным стимулом для развития технической мысли.

Такая революция началась в Англии в 60-х годах XVIII в., а в следующем веке распространилась на другие страны Европы. Термин «промышленная революция» впервые был использован французским экономистом Ж.А. Бланки в 1837 г. Вслед за ним его стали применять Р. Оуэн и Ф. Энгельс (1845).

Исследователи сходятся во мнении, что стержнем первой промышленной революции Нового времени был переход от мануфактуры, основанной на ручном труде, к фабрике, где важнейшей производственной силой стали машины. Этот переход нередко называют промышленным переворотом.

Одним из самых важных изобретений XVIII в. считается создание парового двигателя. Разработка его была связана с решением практических задач в горнодобывающей отрасли, таких, в частности, как откачка воды из шахт, глубина которых в Англии в конце XVII в. составляла 120–180 мет-

ров. Первые успехи были достигнуты Т. Севери и Т. Ньюкоменом на рубеже XVII–XVIII вв. «Атмосферный двигатель» Т. Ньюкомена начали использовать в Англии не раньше 1712 г. В основе его работы лежало понимание природы атмосферного давления. Несмотря на то, что машина была громоздкой, энергоемкой и малопроизводительной, с 1729 г. ее применяли не только в Англии, но и в Австрии, Франции, Бельгии, Германии, Венгрии, Швеции. Через пятьдесят лет Джеймс Уатт так изменил конструкцию, что потребление топлива сократилось на две трети.

Эффективность повысилась за счет использования отдельного цилиндра для конденсации пара. Машина была запатентована в 1784 г., и к концу века в различных областях производства Великобритании действовало около 500 паровых двигателей Уатта. Однако лишь в начале XIX в. был придуман паровой двигатель высокого давления, значительно расширивший сферу применения изобретения Уатта.

Наибольший эффект технические инновации имели в тех отраслях, где уже сложились условия для благоприятного развития. Активнее всего менялось положение дел в текстильной отрасли, которая в те времена повсеместно являлась одной из ведущих производственных сфер. Начало ее трансформации было положено еще в 30-е годы внедрением так называемого «летающего челнока». В 1764 г. Дж. Харгривс сконструировал механическую прялку «Дженни». Спустя пять лет (1769 г.) Р. Аркрайт изобрел прядильный

станок на водяном приводе. А в 1785 г. патент на механический ткацкий станок оформил Э. Картрайт, хотя только в начале следующего века изменения и усовершенствования сделали его вполне надежной машиной.

Одним из важнейших проявлений промышленной революции в XVIII в. стал поиск новых так называемых «неодушевленных» видов энергии. Длительное время главными источниками энергии помимо силы животных и человека служили вода и ветер. В Англии и на континенте в течение всего XVIII в. имелось много мастерских, получавших энергию от водяных и ветряных мельниц. Во Франции, согласно записке, представленной выдающимся военным инженером и будущим маршалом С. де Вобаном на имя короля в 1694 г., насчитывалось около 95 тысяч таких мельниц. Они мололи зерно, откачивали воду из шахт, приводили в движение простые механические устройства.

Мощность мельницы, в зависимости от ее расположения и размера, в XVIII столетии в среднем составляла пять лошадиных сил. Особенно много ветряных мельниц располагалось на берегах Северного и Балтийского морей, где их средняя мощность составляла десять лошадиных сил. На ранних этапах индустриализации, даже в Британии, вода оставалась главным источником энергии. Во второй половине века водяные колеса и турбины модернизировали, и во многих областях водяные мельницы долго соперничали с паровыми двигателями. Поскольку мощность первых паровых машин

составляла примерно двадцать лошадиных сил, начавшаяся в 90-е годы XVIII в. в хлопкопрядильном производстве замена водяных установок на паровые машины не вызвала резких перемен.

Основным источником тепловой энергии оставался древесный и каменный уголь. Им не только отапливали помещения, но и применяли его в производстве стекла, кирпича, в пивоварении, в соляной промышленности, в производстве сахара, в металлургии. Идея использования каменного угля в металлургии появилась еще в XVI в. Но перевод производства металлов с древесного угля на каменный оказался делом сложным и длительным. Способ коксования каменного угля перед загрузкой в доменную печь был разработан А. Дерби и впервые удачно применен в 1709 г. Семья Дерби на протяжении всего века трудилась над совершенствованием чугунолитейного производства. Однако производительность плавильной печи, работавшей главным образом на древесном угле с использованием энергии воды, в XVIII в. была невелика. Чугун оставался дорогим и очень хрупким материалом из-за высокого содержания углерода. Использование парового двигателя в металлургии привело к увеличению количества доменных печей, работавших на коксе (31 в 1775 г. до 81 в 1780). Но массовое производство ковкого чугуна стало возможным лишь после того, как Г. Корт в 1784 г. усовершенствовал процесс пудлингования (передела чугуна в мягкое малоуглеродистое железо), который изобре-

ли в 1766 г. братья Т. и Дж. Кранедж. Темпы производства железа удвоились менее чем за десять лет: с 60 тыс. тонн в 1788 г. до 125 тыс. тонн в 1796 г. В свою очередь, прогресс металлургии способствовал увеличению объема угледобычи. Но только в начале XIX в. кокс вытеснит древесный уголь на металлургических предприятиях.

Технический прогресс Британии подпитывался бурным расцветом точных и естественных наук во всей Европе.

Создание криминалистики

Криминалистика как наука занимает особое место в истории европейской рациональности. Преступление никак нельзя назвать явлением, созвучным с понятием Просвещения, понятием, ассоциирующимся с божественным Светом. Преступление по своей природе – это всегда бунт против данного порядка вещей и против Закона, того самого Закона, глобальную власть которого утверждал еще Монтескье («О духе законов»). Следовательно, криминалистика применила научные методы в поисках преступников для восстановления Порядка и утверждения Закона. Но без разгула преступности в век Разума никакая бы криминалистика и не возникла. Это был социальный заказ, обусловленный активным проявлением преступной, теневой жизни городского населения.

А началось все с рождения лондонской полиции.

В XVIII в. сложившаяся система противодействия преступности уже не удовлетворяла новым социальным условиям, которые диктовали поиск новых форм контроля и необходимость возникновения принципиально новой системы правопорядка. На протяжении второй половины столетия происходило становление полиции как профессионального института государственных служащих, выполняющих правоохранительные функции, что было сопряжено с труд-

ностями, обусловленными негативным восприятием самой идеи наличия данного института, несовместимой с традиционными политическими свободами, которыми наслаждались англичане в отличие от их соседей на континенте. Ле Блан, один из первых ученых, занимавшихся сравнительной аналитикой, писал, что англичанин скорее согласится быть ограбленным на большой дороге как на меньшее зло по сравнению с вероятностью вторжения в частное пространство правительственных агентов. Создание государственной структуры, отвечающей за противодействие преступности, даже на фоне ее беспрецедентного роста, не казалось настолько очевидной идеей, чтобы получить единодушную поддержку различных слоев британского общества.

Одним из тех, кто в данном вопросе занимал наиболее последовательную позицию, был известный драматург, романист и публицист Генри Филдинг, с 1748 г. занимавший должность мирового судьи Вестминстера, а с начала 1749 г. расширивший свои полномочия на округ Мидлсекс.

Заметим, что к этому времени Лондон и пригороды буквально захлестнула волна преступности. К середине XVIII столетия количество преступлений, за которые мужчине или женщине грозила казнь через повешение, выросло с 80 до 350 и более. Но проку от такой суровости, по-видимому, было немного. Несколькими годами позже в «Трактате о работе столичной полиции» отмечалось, что «в Лондоне регулярно занимаются криминальной деятельностью 115 000 человек».

Это составляло около одной седьмой тогдашнего городского населения. Так, в 1774 году в «Джентлменс мэгэзин» писали, что «газеты более чем когда-либо переполнены сообщениями о грабежах и кражах со взломом, а также историями о жестокостях, учиненных грабителями». Отсюда мы можем заключить, что в пору благоденствия и «значительного» достатка преступления против собственности были столь же частыми, как и преступления против людей, – и это несмотря на то, что с ростом ценности украденного имущества соответственно возрастал и риск быть повешенным.

Питер Лайнбо тщательно изучил статистику казней через повешение на протяжении всего XVIII века и пришел к любопытным выводам.

Коренные лондонцы попадали на виселицу, как правило, в возрасте двадцати с небольшим лет, тогда как приезжие – несколько позже. По профессии те, кто всходил на эшафот, были в основном мясниками, ткачами и сапожниками. Между мясниками и грабителями с большой дороги просматривалась явная связь. С культурной и социологической точек зрения эту связь интерпретировали по-разному, но, в общем, лондонские мясники всегда отличались несдержанностью и эгоизмом, а порой и склонностью к насилию. Они определенно пользовались наибольшим почетом среди всех столичных торговцев, и один посетивший Лондон иностранец писал, что «удивительно видеть такое количество мясницких лавок во всех приходах – ими буквально забиты все

улицы». Они зачастую становились лидерами местных сообществ; например, мясники с Клэр-маркет, близ которого было множество театров, описывались как «выразители мнения галерки и всей театральной публики, музыканты на свадьбах актрис, главные плакальщики на похоронах актеров». Они же возглавляли народ во времена бедствий и беспорядков. Например, об одной кровавой расправе сообщалось: «Мясники начали смуту первыми, и вскоре все остальные также поднялись против сборщика акциза». Неудивительно, что именно мясники и их подмастерья оказались наиболее склонными к совершению дерзких и жестоких преступлений. В уголовном кодексе добавилось новое положение, призванное застращать потенциальных убийц: теперь тела повешенных должны были подвергаться публичному вскрытию.

Рядом с Рэтклифф-хайвей была путаница мелких улочек с названиями вроде Хог-ярд и Блэк-Дог-элли, Мани-Бэг-элли и Хэрбрейн-корт, известных «моральным разложением» их обитателей. Близ Уотер-лейн, рядом с Флит-стрит, стоял еще один притон, который именовали «Кровавой чашей», потому что там «почти ежедневно проливалась кровь и редкий месяц обходился без убийства».

На самой Чиклейн стоял дом, в котором прежде находилась гостиница «Красный лев», – в XVIII веке, когда его разрушили, обнаружилось, что ему было уже триста лет; Хекторн, автор книги «Памятные места Лондона», сообщает, что там были «замаскированные чуланы, люки, отодвигаю-

щиеся панели и тайники». Один из этих люков находился над каналом Флитдич и «позволял легко избавляться от трупов».

Несколько более сдержанно городской хронист XVII века сообщает об облаве, учиненной в трактире Уоттона на Смартс-ки близ Биллингсгейта. Этот трактир на самом деле был «школой, где малышей учили опорожнять кошельки».

Кошельки и мешочки подвешивались на веревочке с прикрепленными к ним «колокольцами»; если ребенок мог вынуть оттуда монету так, чтобы колокольчик не звякнул, «его признавали славным щипалой». В следующем XVIII веке другая такая «школа» открылась на Смитфилде, где владелец таверны обучал детей шарить по чужим карманам, красть вещи из лавок, залезая в окна, и проникать в дома простым способом: они притворялись, что спят под стеной, а сами потихоньку расковыривали кирпичи и известку, пока не образовывалась достаточно большая дыра.

Распоясавшиеся бандиты терроризировали лавочников, заставляя их платить дань. Вымогателей нередко прикрывали продажные полицейские. Наряду с честно выполняющими свой долг мировыми судьями в британской столице было немало и коррупционеров, которых Филдинг обличал раньше в своих произведениях. В грязном, плохо освещенном городе, где некоторые улицы были загромождены свалками мусора, преступникам всегда было легко уйти от преследования. Нищета и голод, в которых прозябала огромная

часть населения Лондона, нередко взрывались социальной яростью, приводя к кровавым дракам и жестоким погромам.

Криминализации способствовала и бесконтрольная продажа спиртного. Запретительные и ограничительные меры результата не давали: пить жители Туманного Альбиона меньше не стали. Точку в многолетней антиалкогольной кампании поставил разработанный парламентским комитетом и принятый в 1751 г. закон, значительно повысивший цены на спиртное. Продажи горячительного резко снизились, нация пошла «на поправку». Генри Филдинг был среди тех, кто, по меткому выражению биографа Пэта Роджерса, «расчистил путь полезному закону». Именно Филдинг в своей работе «Исследование о причинах недавнего роста грабежей» выступил с гневным обличением повальной страсти земляков к дешевому джину.

Примерно в такой обстановке Филдинг приступил к исполнению своих новых обязанностей. Помимо чисто судейских дел, он также вынужден был заниматься и розыском преступников. Кстати, таким совмещением обязанностей сыщика, следователя и судьи некоторые мировые судьи в то время злоупотребляли, пользуясь положением в собственных корыстных целях.

Сегодня это кажется смешным, но в Англии XVIII в. на судейские должности порой назначались и вовсе неграмотные люди. Проработав несколько лет судьей, в 1752 г. Филдинг с присущей ему иронией напишет: «Признаюсь, я все-

гда склонен был думать, что профессия мирового судьи требует некоторого знания законов… однако мистер Трэшер (судья) в жизни своей не прочел ни одной буквы из кодекса». Зачем подобным типам было заглядывать в законы, если они даже сами не собирались их соблюдать?!

Не лучше обстояло дело и с чиновниками рангом пониже. Констеблей в подчинении у судьи Вестминстера было чрезвычайно мало, а силы имевшихся были направлены на постоянное поддержание общественного порядка. К тому же Генри Филдинг вскоре понял, что из 80 констеблей, которые вместе с должностью судьи достались ему от предшественника, доверять можно лишь шестерым. Должности тюремщиков, шерифов и судебных приставов считались «доходными» и покупались на всю жизнь. Занимавшие их люди, естественно, старались возместить свои издержки и налагали штрафы на всех, кто попадался под руку. К сожалению, до конца эту «традицию» не удается изжить и по сей день.

Среди блюстителей порядка в Лондоне были еще ночные караульные. «Ветхие инвалиды» – так называл их Филдинг. За один шиллинг они от зари до зари бродили по улицам с фонарем, еле-еле волоча за собой дубинку. Все остальное время они проводили в кабаках.

В помощниках у судей также ходили осведомители. Как позже понял Филдинг, многие из них, выдавая мелких воришек, прикрывали крупную рыбу преступного мира.

Бытовые условия, в которых приходилось работать Фил-

дингу, тоже впечатляли. Вот что об этом пишет Пэт Роджерс: «Он (Филдинг) проводит долгие часы в седле или в продуваемых всеми ветрами тряских дилижансах. Его ночлег не всегда достаточно удобен, а дни проходят в тесноте судов, где присяжные, адвокаты и судьи рискуют подцепить от заключенных грозный сыпняк (разновидность тифа)».

В таких условиях Филдинг взялся за наведение порядка в округе. На протяжении первого месяца судейской практики он разбирал дела мелкого пошиба, в основном воровство одежды, а однажды – кражу железной кочерги и метлы. Но вскоре Филдинг понял, что, утонув в этой мелочевке, он так и не решит более глобальных задач. И потому со всей решительностью приступил к реформе полицейской системы. Помогал ему в этом отличный служака – главный констебль Холбонс Сондерш Уэлш. Положиться как на себя Филдинг мог и на клерка Джошуа Брогдена, работавшего еще с прежним судьей.

Генри Филдинг осознавал главное: законность в округе не удастся восстановить до тех пор, пока не будет покончено с организованной преступностью.

Для борьбы с этим страшным злом требовались дополнительные средства. Филдинг обратился за помощью к герцогу Ньюкасль, и тот не отказал. Львиная доля выделенных денег была пущена на оплату «подсадных уток». Легенда гласит, что в свое время гуси спасли Рим. Проводя исторические параллели, можно сказать, что «подсадные утки» спас-

ли Лондон от беспредела бандитских шаек. Практика внедрения в банды тайных агентов из числа проверенных людей привела к тому, что уголовники перестали верить друг другу. В криминальном мире развернулась самая настоящая «охота на ведьм». Некоторые исследователи жизни и творчества Филдинга утверждают, что именно он во многом предопределил методы, которые используют в своей практике современные подразделения по борьбе с организованной преступностью.

Стражи порядка в свою очередь также перешли к активным действиям. В схватке с первой раскрытой бандой был убит констебль. Одного преступника удалось уничтожить, семеро были схвачены, а остальные, по агентурным данным, скрылись за пределы королевства.

Если того требовала служба, Филдинг, невзирая на время суток, мог сорваться с места и выехать на место очередного происшествия в лондонские трущобы. Вскоре такой образ жизни стал сказываться на его здоровье. Но судья Вестминстера не роптал: будучи убежденным гуманистом, ради людей он был готов переносить любые трудности.

О несгибаемом мировом судье Вестминстера жители Лондона складывали легенды. Для бедняков он стал настоящим героем, для преступников – врагом номер один.

Мало кто знает, что история баллистической экспертизы косвенно связана с деятельностью Генри Филдинга, известного английского писателя и драматурга.

«Программа мистера Ф-га», как окрестила комплекс предпринятых Филдингом мер британская пресса, себя вполне оправдала. По прошествии некоторого времени в кратком очерке об итогах проделанной работы, с которого начинается «Путешествие в Лиссабон», сам Филдинг, не скрывая своего удовлетворения, пишет, что «адское сообщество искоренено почти до основания» и «из утренних газет исчезли сообщения об убийствах и уличных ограблениях».

Несмотря на обилие служебных забот, Филдинг находил время для научных работ. В них он не только пытался осмыслить психологию преступника, но и давал конкретные рекомендации по повышению эффективности правоохранительной деятельности. Его трактаты «О разбоях на большой дороге и похищениях с целью выкупа», «Исследование о причинах недавнего роста грабежей», «Предложение о мерах по действительному обеспечению бедняков» легли в основу законов, принятых парламентом.

Существенный вклад внес Генри Филдинг и в криминологию. Около 500 «юридических аллюзий» насчитал в его произведениях барристер (адвокат, имеющий право выступать в высших судах Англии) Б. Джонс, автор интереснейшей книги о деятельности писателя. Кроме всего прочего Филдинг вошел в историю и как защитник родного языка, выступая за его очищение от жаргонизмов и упорядочение правописания.

Этот человек обладал поистине энциклопедическими зна-

ниями. Библиотека, которую писатель собирал четверть века, насчитывала 1298 томов, 228 из которых составляла юридическая литература.

Эту сыскную деятельность прославленного литератора отразил в своих исторических детективах современный английский писатель Брюс Александер. Он сочинил целый цикл детективных романов «Тайны сэра Джона Филдинга». Это был брат Генри Филдинга, который пришел ему на смену.

Дело в том, что брат прославленного английского писателя был слепой. В юности, служа в королевском флоте, получил травму головы и лишился зрения. Это был уникальный человек. Он использовал «бегунов» в качестве своих «рук» и «ног», а сам исполнял функцию мозга. Никто лучше «Слепого Клюва» (так его прозвали преступники) не умел проводить допросы. Обладая феноменальным слухом, Джон держал в памяти целую аудиотеку – различал голоса трех тысяч уголовников.

Многие приемы, считающиеся азбукой криминалистики, впервые были введены и опробованы слепым судьей. Он первым стал печатать в газетах приметы находящихся в розыске преступников; завел картотеку; стал устраивать опознания и очные ставки. На судебные заседания Джона Филдинга публика собиралась, как на спектакли. За какие-то два года «Слепой Клюв» избавил Лондон от организованной преступности. В 1763 году он создал первый отряд конной поли-

ции, всего-навсего десять человек, но и этого оказалось достаточно, чтобы на улицах столицы совершенно прекратился дневной разбой (а ночью порядочным людям выходить из дома все равно незачем).

Глава III
Дух авантюризма в век Разума

В предшествующей главе мы говорили о криминалистике – науке, возникшей под влиянием небывалого всплеска преступности в XVIII веке. Остается только догадываться, почему в век Просвещения теневая сторона жизни дала знать о себе с такой силой? Преступник – это маргинал, обуреваемый духом авантюризма. Тогда естественным образом возникает вопрос: а разве знаменитые авантюристы эпохи, без которых картина этого самого века Разума будет неполной, не являются запоминающейся чертой времени? На память сразу приходят такие имена, как Калиостро, Казанова и граф Сен Жермен. Но авантюристами были и знаменитый князь Потемкин, и братья Орловы, и Бомарше. Авантюризм был свойственен и Вольтеру, и Руссо. Список можно было бы продолжить. Видно, в самом воздухе витала какая-то особая субстанция, вдохновлявшая людей на самые невероятные поступки, и поступки эти вступали в конфликт с самим Духом Законов. Ловить фортуну за хвост было общепринято, и никто не отказывался от неожиданно возникшей оказии: ни уравновешенные философы, ни безродные фавориты. Фаворитизм как еще одна форма авантюризма был очень популярен в эпоху, о которой и идет речь в этой книге. Все

ловили удачу. Например, будущая императрица Екатерина II в результате дворцового переворота, совершенного с помощью ее любовника Орлова, только и смогла взойти на российский престол, перешагнув через труп собственного мужа, законного царя Петра III.

Дух авантюризма, на наш взгляд, и является ярким проявлением теневой стороны века Разума и Просвещения. Обратимся к конкретным примерам и рассмотрим внимательно судьбы самых известных охотников за изменчивой фортуной.

Авантюристы существовали во все времена. Но по общему признанию, наиболее отмечен ими XVIII век, ставший поистине классической эпохой великих талантов наглости и мистического обмана. Именно тогда появилась необходимая питательная среда для всякого рода «непризнанных гениев», ловких проходимцев и бретеров. Вот как писал о них в своей книге «Казанова» Стефан Цвейг: «Они говорят на всех языках, утверждают, что знакомы со всеми князьями и великими людьми, уверяют, что служили во всех армиях и учились во всех университетах. Их карманы набиты проектами, на языке – смелые обещания, они придумывают лотереи и особые налоги, союзы государств и фабрики, они предлагают женщин, ордена и кастратов; и хотя у них в кармане нет и десяти золотых, они шепчут каждому, что знают секрет tincturae auri (приготовления золота)… Суеверных они подкупают составлением гороскопов, доверчивых – проектами,

игроков – краплеными картами, наивных – светской элегантностью, – и все это под шуршащими складками, непроницаемым покровом необычайности и тайны – неразгаданной и, благодаря этому, вдвойне интересной…».

Маркиз де Сад

Сад Донасьен Альфонс Франсуа де (Sade Donatien Alphonse François de) (1740–1814), французский маркиз, писатель; эпоним садизма.

Родился 2 июня 1740 года в замке Конде в Париже. Родословная Сада восходит к полулегендарной Лауре де Новес (около 1308–1348), возлюбленной итальянского поэта Петрарки, которая около 1325 года вышла замуж за графа Хьюго де Сада. Согласно ранним историческим хроникам, все мужские предки Сада носили графский титул. Однако его дед Гаспар Франсуа де Сад стал именовать себя маркизом. Отец – Жан Батист Франсуа Жозеф де Сад (?–1767), офицер и дипломат; одно время он являлся французским посланником в России. Из сохранившихся полицейских протоколов следует, что отец Сада задерживался в саду Тюильри за «нескромное приставание к молодым людям». Мать – Мария Элеонора де Мейль де Карман, дальняя родственница и фрейлина принцессы Конде. Мать де Сада надеялась на то, что у ее сына и юного наследника принца де Конде завяжутся тесные дружеские отношения, которые помогут Донасьену устроиться в жизни. Находясь при дворе, Мари-Элеонор смогла добиться разрешения принцессы играть ее сыну с принцем. Но маленький де Сад не проявлял абсолютно никакого интереса к своему другу, а однажды даже подрался с

ним, после чего был выслан из дворца и отправился жить к своим родственникам в Прованс.

Итак, в 1745 году де Сада отправили жить к его дяде, аббату де Саду (аббат д'Эбрей), который должен был заниматься его воспитанием. Донасьен поселился в старинном замке, огражденном массивными каменными стенами. В нем находился большой подвал, в котором Донасьен любил оставаться на долгое время один. Память об этом месте де Сад сохранил на всю жизнь; именно там, в подвале старинного замка, взрослеющий мальчик любил проводить свое время часами, слушать, как капает вода с потолка, пищат крысы, блуждают приведения и духи, но их будущая скандальная знаменитость не боялся.

Куда больше приковывает внимание мальчика возня крыс в замшелом углу. Так впервые он видит половой акт, при котором самец совокупляется с самками без разбору, с невероятной скоростью, не терпя никаких отказов и жестоко кусая тех, кто пытается ускользнуть от извечного процесса продолжения жизни, пусть и крысиной. На этом примере мальчик познает азы самой жизни, которая основана на насилии, унижении и итогом которой всегда будет смерть.

Параллельно такому познанию мира мальчик изучает жизнь по книгам, где все гораздо завуалированнее, слащавее, но, однако, насыщено философией, изучение которой взрослеющий юноша продолжает уже в знаменитом парижском Иезуитском колледже Людовика Великого.

Философские выдержки и догмы буквально приводят юного маркиза в неистовство, он противопоставляет им свои мысли и находит, что его думы гораздо правдивей отражают жизнь и ее всевозможные проявления.

24 мая 1754 года маркиз поступил в королевскую гвардию. Началась Семилетняя война, которая позволила Донасьену де Саду вкусить крови, насилия и разврата в полной мере. В 1755 году ему присваивают звание младшего лейтенанта королевского полка. В 1756–1763 гг. маркиз де Сад активно участвует в сражениях Семилетней войны. В 1757 году он получает звание корнета карабинеров, в 1759 – звание капитана кавалерии Бургонского полка. В 1763 г. маркиз де Сад уходит в отставку в звании капитана кавалерии (ротмистра).

Именно тогда юноша познал, что победителей не судят. Но де Саду, находящемуся в полном расцвете лет, хотелось не воевать, а развлекаться, и он уходит в отставку, дабы вернуться в Париж и начать светскую жизнь, полную приятных мгновений.

По общему мнению, маркиз обладал способностью добиваться своих целей любой ценой. Уже в юности пользовался дурной репутацией человека, не признающего нормы общепринятой морали. О себе он писал так: «…Мне казалось, что все должны мне уступать, что весь мир обязан исполнять мои капризы, что этот мир принадлежит только мне одному». Итак, в 1763 г. Сад вышел в отставку. По настоянию ро-

дителей женился на Рене Пелажи де Монтрей (Renée Pélagie de Montreuil), дочери президента Высшего податного суда. Венчание состоялось 17 мая 1763 года в церкви Святого Роша в Париже. В семье родилось трое детей: Луи Мари (р. 1767), Донасьен Клод Арман (р. 1769) и Мадлена Лаура (р. 1771). По всей вероятности, Рене Пелажи прекрасно знала о порочных наклонностях мужа, но не могла или не желала препятствовать им. Супружеские узы отнюдь не ограничили свободу действий Сада. Если свадьба состоялась в мае, то уже в декабре этого же года появляются характерные строки из донесения полицейского инспектора Марэ: «Я бы настоятельно советовал госпоже Бриссо, не вдаваясь в подробные объяснения, отказать маркизу де Саду, если тот начнет требовать от нее девицу легкого поведения для забав в уединенном доме свиданий». Скорее всего, проститутки активно начали жаловаться на извращенные предпочтения маркиза во время его посещений дома свиданий. Так, 29 октября он был заключен в башню Венсенского замка за скандальное поведение в доме свиданий, откуда был выпущен 13 ноября и сослан в Нормандию, в поместье Эшофур, принадлежащее родителям жены. Полумесячное заключение в королевской тюрьме Венсен не образумило Сада. Известно о его связях с лучшей подругой жены Колетт, актрисой Ла Бовуазен, которую он выдает за свою законную супругу. Вместе с этой актрисой в своем поместье Сад устраивал групповые оргии с проститутками и простолюдинками.

11 сентября 1764 года он получает разрешение вернуться в Париж.

В дальнейшем де Сад продолжил заниматься своими сексуальными экспериментами и в общей сложности провел за решеткой около тридцати лет.

Вспомним лишь некоторые эпизоды, которые и привели маркиза в тюрьму. Вот один из них, подробно зафиксированный в полицейском протоколе. 3 апреля 1768 г. в жандармерию обратилась вдова Роза Келлер (Rose Keller), просившая подаяние по случаю Пасхи на площади Виктории. Она заявила, что Сад в течение нескольких дней подвергал ее порке и сексуальному насилию. Дело обстояло таким образом. В девять часов поутру, маркиз де Сад, одетый в сюртук серого цвета, с охотничьим ружьем за поясом и с тросточкой в руке, встречается на площади Виктуар с вдовой кондитера Розой Келлер. Женщине к тому времени было около 36 лет, Роза согласилась подняться в фиакр вместе с маркизом, который и привез ее на свою виллу. Там, вынудив женщину раздеться, маркиз жестоко избил ее плеткой-семихвосткой с узелками на концах. Затем он натер пострадавшие части тела мазью, в состав которой входил белый воск. Угостив Розу завтраком, маркиз запер женщину в комнате. Несчастной, впрочем, удалось выпрыгнуть из окна. Оглашая парижское предместье громкими воплями и жалобами на аристократов, Келлер отправилась в полицейский участок, где и подала на маркиза де Сада жалобу.

Разгорелся громкий скандал, взбудораживший все общество. Желая избежать дальнейшей огласки, жандармский инспектор выслал де Сада в родовой замок Ла Кост (La Coste) на юге Франции в Провансе. Летом 1772 года в Марселе жертвами де Сада стали четыре девицы легкого поведения в возрасте от 18 до 23 лет. Вместе со своим слугой Арманом Латуром Сад порол девиц плетью, а затем принуждал к занятию анальным сексом. Через несколько часов беспрерывных истязаний проституткам стало плохо: у них начались судороги и неукротимая рвота. Сад спешно бежал в Италию, опасаясь сурового наказания: во Франции содомский грех карался сожжением на костре. Французскому правосудию пришлось удовлетвориться тем, что 12 сентября 1772 г. палач сжег чучела Сада и его лакея на одной из центральных площадей Экса. Зимой 1777 г. полиция выследила и арестовала Сада в Париже, куда он приехал проститься со смертельно заболевшей матерью. Сад содержался в тюрьме Венсен. Сидя за решеткой, Сад активно занимался литературным творчеством. Он создал целый ряд произведений в самых разных жанрах: пьесы «Диалог между священником и умирающим» (Dialogue entre un pretre et un moribond, 1782); «Философия в будуаре» (La Philosophie dans le boudoir, опубликовано в 1795); «Сто двадцать дней Содома» (Les 120 Journees de Sodome, ou l'Ecole de libertinage, 1784); романы «Алина и Валькур» (Aline et Valcour; ou, Le Roman philosophique, 1785–1788, опубликован в 1795); «Преступле-

ния любви» (Les Crimes de l'Amour, опубликованы в 1800); «Короткие истории, новеллы и фаблио» (Historiettes, contes et fabliaux, опубликованы в 1927); «Жюстина или Несчастья добродетели» (Justine ou les malheurs de la vertu, 1787); «Жюльетта» (Juliette, 1798) и др. Помимо того, перу Сада принадлежит несколько десятков философских эссе, политических памфлетов и др. Длительное пребывание в заключении отразилось на здоровье и характере Сада. По воспоминаниям очевидцев, он сильно располнел, стал раздражительным и нетерпимым к чужому мнению. 29 февраля 1784 г. Сад был переведен в Бастилию, где содержался вплоть до Великой французской революции. 2 июля 1789 года из окна своей камеры он громко взывал о помощи: «Здесь убивают заключенных!» За дерзкую выходку Сад был отправлен в психиатрическую лечебницу Шарантон под Парижем. Сад освободился 29 марта 1790 г. Он яростно обрушился на представителей монархической знати, написал несколько памфлетов против Марии Антуанетты, принцессы Т. Ламбаль, герцогини де Полиньяк и др. Отказался от дворянского титула и в официальных бумагах именовал себя гражданин Сад. 9 июля 1790 г. он развелся с женой; затем выступил с обвинением ее родителей-аристократов в трибунале. Новой подругой Сада стала Мария Констанс Кюсне (Marie Constance Quesnet), бывшая актриса и мать-одиночка шестилетнего сына. Более трех лет Сад успешно изображал жертву политического режима. Добился постановки своих пьес на парижской сцене.

Вершиной революционной карьеры Сада стало избрание в Национальный конвент. Однако бдительные депутаты заподозрили его в связях с эмиграцией. Безуспешно пытался вернуть он доверие восхвалением заслуг Ж.П. Марата. 8 декабря 1793 г. Сад оказался в тюрьме Мадлонетт, где провел около десяти месяцев. В период якобинского террора Сад избежал гильотины только из-за бюрократической проволочки. Освободился он летом 1794 г., уже после казни М. Робеспьера. В 1796 году Сад вынужден был продать замок Ла Кост, разграбленный во время революции. Первый консул Французской республики Наполеон Бонапарт недолюбливал Сада. Возможно, он подозревал его в авторстве анонимного романа о похождениях его первой жены Жозефины. Произведения Сада были конфискованы, финансы полностью расстроены, а здоровье сильно подорвано. Не имея иного пристанища, 5 марта 1801 г. Сад поступил в приют Сант Пелажи. Там он постоянно нарушал режим, проявил навязчивую половую активность. Комиссия врачей больницы Бисетр признала его невменяемым. 27 апреля 1803 г. Сад был переведен в лечебницу Шарантон. Около шести лет он пользовался покровительством больничного духовника аббата де Кульмье и организовал нечто вроде больничного театра, представления которого посещались вольной публикой. По воспоминаниям, Сад замечательно исполнял роли злодеев. Он свободно гулял по территории, общался с посетителями и даже принимал в своей камере М.К. Кюсне. В 1809 г. по неизвестным

причинам Сад был переведен в закрытую одиночную палату. По слухам, в 1813 году семидесятитрехлетний Сад ухитрился соблазнить Мадлен Леклерк (Madeleine Leclerc), тринадцатилетнюю дочь одного из надзирателей. Де Сад скончался от приступа астмы 2 декабря 1814 г.

Перед смертью Донасьен Альфонс Франсуа де Сад просит похоронить его в лесу, засыпать его могилу желудями и навсегда забыть дорогу к ней, вычеркнув из памяти человечества раз и навсегда, но последняя воля не была исполнена. Его похоронили по христианскому обычаю на общих основаниях на кладбище Сен Морис в Шарантоне. Жизнь и творчество Сада породили целое научное и культурологическое направление. Р. Краффт Эбинг в книге «Половая психопатия» (1876) первым ввел в оборот термин садизм для обозначения удовольствия, получаемого от причинения физической боли и моральных страданий половому партнеру.

Франсуа-Тимолеон де Шуази (1644–1724)

Этот известный авантюрист так и не смог до конца определиться в том, кто он на самом деле: мальчик или девочка еще в детстве. Один день он был женщиной, другой – мужчиной. Но эта неясность не мешала месье быть писателем, священнослужителем и членом Французской академии с 1687 года.

В детстве он вращался в окружении младшего брата короля – герцога Орлеанского, известного трансвестита. В самом деле, опасаясь предстоящего соперничества между будущим Людовиком XIV и своим младшим сыном, королева-мать, Анна Австрийская, описанная в знаменитом романе А. Дюма «Три мушкетера», подталкиваемая кардиналом Мазарини, хотела привить Филиппу иные, менее опасные для Франции вкусы. Она начинает одевать его как девочку, приучать к украшениям, драгоценностям и другим атрибутам, которые составляют принадлежность женского туалета, пока это не войдет у него в привычку. Как и многих младших отпрысков знатных семейств, родители прочили Франсуа-Тимолеона де Шуази в служители церкви, однако детство, проведенное в компании с Месье, младшим братом Людовика XIV, наложило свой отпечаток на личность будущего аббата. Месье, герцог Орлеанский, очень полюбил, благодаря сво-

ей матери, переодеваться в женское платье и пристрастил к этому маскараду товарища своих детских игр Франсуа Тимолеона. Его мать активно приобщала к придворным играм сына, она проколола уши, надевала ему корсеты, натирала лицо специальным составом, чтобы борода не росла.

Однако в девятнадцать лет заботливая мама сделала Франсуа настоятелем монастыря и отправила учить философию и богословие в Сорбонну. Превосходно образованный, владелец нескольких церковных бенефиций, женоподобный Тимолеон в восемнадцать лет получил постриг и должность аббата. Но церковная карьера юношу явно не устраивала, и он, переодевшись в женское платье, отправился в Бордо, где, скрыв свой истинный пол, поступил в театр. С двадцати пяти лет, после смерти матери, наш герой ведет довольно галантную жизнь при дворе, переодеваясь то дамой, то кавалером, то вообще задавая некий модный тренд – сочетая мужской костюм с подвесками. Но тогда все так при дворе развлекались.

После смерти матери, случившейся в 1669 году, молодой человек получил солидное наследство, позволившее ему на протяжении пятнадцати лет вести беспорядочную галантную жизнь, большая часть которой проходила в женском платье. По словам молодого человека, завоевать доверие любой красавицы было значительно легче в облике ее товарки, нежели поклонника-мужчины. «…Однажды мадам де Ла-

файет, с коей встречался я довольно часто, увидев на мне крупные серьги и мушки на лице, на правах доброй подруги сказала, что такие украшения не предназначены для мужчин, а потому с ними мне лучше надевать женское платье. Прислушавшись к авторитетному мнению, я подстриг волосы, чтобы удобнее было делать прическу…»

После очередного скандала Шуази покидает королевский двор, оседает в замке в Бурже и ведет жизнь под личиной графини де Барр, хотя по неуточненным данным перепортил всех хорошеньких девиц в округе. Живет широко, должность аббата приносит немалый доход, чтобы играть в карты и проигрывать.

В тридцать два года в обществе кардинала Бульонского и кардинала де Рец неожиданно отправляется на конклав в Рим и там исчезает. Известно, что в возрасте сорока лет Шуази отправился с дипломатической миссией в Сиам (Таиланд) и, по свидетельствам современников, вернувшись через два года, так и не оставил свои игры с переодеванием. На этом приключении следует заострить наше внимание. Вряд ли известный французский транссексуал Франсуа Тимолеон, он же аббат де Шуази, ожидал, что именно он на пару с шевалье де Шомоном окажется во главе первого французского посольства в Сиаме, нынешнем Таиланде. Но, учитывая эту страсть к перевоплощениям, именно аббату де Шуази духовник короля предложил отправиться в Сиам с тайной миссией. Итак, в 1685 году в Сиам, кроме официальной

части французского посольства во главе с обращенным в католичество гугенотом и религиозным фанатиком шевалье де Шомоном (Chevalier de Chaumont), отправилась сборная диверсионная команда из шести специально отобранных иезуитов и трех священников «Парижского общества иностранных миссий» под руководством аббата де Шуази и будущего известного пирата Клода де Форбена. Их тайной задачей было обратить короля и сиамский народ в католическую веру. Миссионеры «Парижского общества», знакомые с методами работы иезуитов, даже хотели по иезуитскому методу использовать для себя облачение буддистских монахов, но Конгрегация пропаганды веры им в этом отказала. Прибывший в сентябре в Лопбури «духовный спецназ» расселяется в специально для него построенном доме Вичаен. В этот исторический период французским миссионерам предоставляется полная свобода действий. Католики спешно возводят христианские храмы, открывают католическую семинарию. Помимо пропаганды христианства им было поручено составлять для военных целей карты, изучать морские течения и господствующие ветры. В Париж авантюрист возвратился уже другим. Из маргинала он превращается в лицо влиятельное во всех отношениях. Желая снискать благоволение Людовика XIV, Шуази написал «Жизнеописание Давида и Соломона», исполненное неприкрытой лести в адрес Короля-Солнца. Следующее свое сочинение под названием «Подражание Иисусу Христу» он посвятил мадам де Менте-

нон, последней любовнице и супруге Людовика XIV (после смерти королевы Марии-Терезии король тайно обвенчался с мадам де Ментенон). Став членом Французской Академии, аббат де Шуази последние двадцать лет жизни посвятил написанию «Мемуаров, способствующих составлению истории царствования Людовика XIV» и одиннадцатитомной «Истории Церкви».

В 1715 году умер ставший к старости чрезвычайно набожным Людовик XIV, и аббат, поддавшись на уговоры маркизы де Ламбер, рискнул описать свои юношеские любовные приключения, но при жизни автора они опубликованы не были. Часть под названием «Графиня де Барр» была издана в 1735 году маркизом д'Аржансоном, внучатым племянником аббата, унаследовавшим дядюшкин архив. «Многие сочтут эту историю совершенно невероятной и будут правы. Но все же уверяю вас, она написана человеком исключительно правдивым», – заметил д'Аржансон по поводу издания записок аббата де Шуази. Вот о чем повествуется в этих скандальных мемуарах:

«Поначалу матушка моя располагала двадцатью пятью тысячами ливров ренты, пятьюдесятью тысячами экю приданого, четырьмя тысячами франков вдовьей доли, восемью тысячами ливров пенсии, выплачиваемой одним из принцев, и шестью тысячами франков, полученными от старинной приятельницы, великой королевы, имени которой я на-

зывать не стану. Но когда матушка скончалась, после нее осталось всего двенадцать тысяч франков серебром, некоторое количество драгоценностей, мебель и серебряная посуда; к счастью, долги все были уплачены.

Из трех матушкиных сыновей я был самым младшим; старший занимал должность управляющего провинцией, средний получил полк, я же довольствовался суммами, доставшимися мне от отца и одной из тетушек, сделавшей меня своим наследником, и вкупе доходы мои с наследства составляли десять тысяч ливров ренты; еще четырнадцать тысяч ливров ренты я имел в качестве бенефиций.

Я сказал братьям, что хотел бы поделить материнское наследство. Дабы не иметь неудобного соглядатая, с коим им пришлось бы обсуждать домашние дела, братья приняли мое предложение и, уверенные, что я не стану их обманывать, согласились выделить мою долю.

После раздела матушкиного достояния каждый из нас оказался владельцем имущества на сумму в семьдесят тысяч франков. Я взял на двадцать тысяч франков драгоценностей, на восемь тысяч мебели и на шесть тысяч серебряной посуды, что составило тридцать четыре тысячи франков; мне, таким образом, причиталось еще тридцать шесть тысяч. Эти сумму я оставил братьям, равно как и деньги, приходившиеся на мою долю из материнской пенсии и из ее вдовьей доли, и посему оставленная мною сумма в общей сложности превышала сорок тысяч франков. И мы все трое остались очень

довольны.

Я был в восторге от доставшихся мне ослепительных драгоценностей; до сих пор у меня были только серьги стоимостью в двести пистолей и несколько колец, а теперь я получил серьги в виде подвесок стоимостью в десять тысяч франков, бриллиантовый крест стоимостью в пять тысяч и три великолепных кольца. Этого вполне хватало, чтобы украсить себя как подобает и во всей красе появиться в обществе. С самого детства мне нравилось наряжаться в женское платье, мое пристрастие к женским нарядам стало причиною моих приключений в Бордо, и, хотя мне уже сравнялось двадцать два года, лицо мое нисколько не мешало мне переодеваться в женщину.

Старший брат круглый год служил в интендантстве, а средний – в армии, причем даже зимой. Господин де Тюренн очень любил моего брата, и дабы иметь основания его продвинуть, в течение года давал ему различные поручения. Зимняя кампания, участники которой обычно не подвергают риску свою жизнь, для продвижения является гораздо более важной, нежели две летних кампании, когда тебя каждую минуту могут убить. Причину тому найти легко: большинство молодых людей хотят на зиму убыть в Париж, чтобы походить в театр, в Оперу, пообщаться с женщинами, и мало кто готов пожертвовать удовольствиями ради карьеры.

Я же, не испытывая никакого принуждения, мог поступать так, как подсказывали мне мои наклонности. Отмечу лишь,

что однажды мадам де Лафайет, с коей встречался я довольно часто, увидев на мне крупные серьги и мушки на лице, на правах доброй подруги сказала, что такие украшения не предназначены для мужчин, а потому с ними мне лучше надевать женское платье.

Прислушавшись к авторитетному мнению, я подстриг волосы, чтобы удобнее было делать прическу. Надо сказать, прическа у меня получилась действительно великолепная, что в то время дорогого стоило, ибо накладные волосы были не в моде. В те времена было принято прикрывать лоб мелкими кудряшками, по обеим сторонам лица выкладывать крупные кольца, а на затылке сооружать нечто вроде валика из крупных кудрей и украшать сей валик лентами или жемчужинами, ежели таковые имелись в заводе.

У меня было немало женских платьев, я облачился в самое красивое, надел свои новые роскошные серьги в виде подвесок, бриллиантовый крест и в таком костюме отправился с визитом к мадам де Лафайет. Увидев меня, она воскликнула: «Ах! Какая очаровательная дама! Вы правильно сделали, что последовали моему совету. А если у вас еще остались сомнения, давайте спросим мнение господина де Ларошфуко (который как раз находился в комнате мадам)».

Оба принялись вертеть меня во все стороны, и оба остались довольны моим новым видом.

Женщины любят, когда вы прислушиваетесь к их мнению. Мадам де Лафайет посчитала себя обязанной убедить свет,

что, последовав ее совету, пусть даже и немного легкомысленному, я поступил правильно. Это придало мне мужества, так что на протяжении двух месяцев я каждый день наряжался в женское платье и в таком виде наносил всем визиты, посещал церковь, слушал проповеди, был в Опере, в театре, и добился того, что к моему новому виду все привыкли. Своим лакеям я велел называть себя мадам де Санси.

Я заказал известному итальянскому художнику Фердинандо свой портрет в женском платье, тот написал его, я остался вполне доволен и вскоре даже стал показывать его.

Всякий раз, когда Месье бывал в Париже, я отправлялся в Пале-Рояль; Месье всегда был ко мне чрезвычайно расположен, ибо он, как и я, имел склонность к переодеванию в женское платье, но по причине своего сана (а принцы являются пленниками собственного величия) он не осмеливался появляться в нем повсюду. Зато по вечерам принц надевал кружевной чепец, серьги, приклеивал мушки и любовался собой в зеркало.

Любовники постоянно льстили принцу, и он, видимо, желая отблагодарить их, каждый год в жирный понедельник давал грандиозный бал. В этот раз он приказал мне явиться к нему на бал в платье с глубоким вырезом, с открытыми плечами и без маски; шевалье де Прадину было поручено ввести меня в курс дела.

Общество собралось поистине блистательное: тридцать четыре женщины, щеголявшие жемчугами и бриллиантами.

Мой наряд оценили, танцевал я великолепно, словом, бал был устроен словно специально для меня.

Начав танцевать с очаровательной мадемуазель де Бранка (той самой, которая потом стала принцессой д'Аркур), Месье вскоре оставил ее и удалился; вернулся он в женском платье и маске. Все его узнали, впрочем, он и сам не намеревался таиться, так что когда шевалье де Лорен предложил ему руку, он не чинясь протанцевал с шевалье менуэт, а потом опустился в кресло, где его тотчас окружили дамы. Прежде чем снять маску, принц заставил долго себя упрашивать, хотя с самого начала было ясно, что он только и ждал, когда же наконец настанет его черед предстать перед всеми во всей своей красе. Трудно сказать, до какой степени доходило его кокетство, знаю только, что он, стоя перед зеркалом, обожал любоваться собой; еще он любил приклеивать мушки и много раз менял их местами, пока наконец не находил нужного расположения; пожалуй, я быстрее справлялся с этим украшением. Мужчины, уверенные в своей неотразимости, гораздо более стремятся подчеркнуть свою красоту, нежели красивые женщины.

На этом балу слава моя прогремела, и ко мне сразу потянулись любовники, в основном чтобы развлечься, а некоторые даже искренне.

Жизнь моя текла легко и приятно до тех пор, пока неожиданный, я бы даже сказал грубый поступок господина де Монтозье полностью не изменил ее течения».

(Перевод с французского Елены Морозовой).

Джакомо Казанова

Итальянский авантюрист международного масштаба, мемуары которого, отличавшиеся предельной откровенностью в описании интимной жизни автора, принесли ему скандальную известность и сделали его имя синонимом распущенности и плутовства. В своих мемуарах Казанова не называет точного количества своих любовниц. Исследователь его биографии Х. Крус утверждает, что их было 132, по подсчетам других биографов – 122. Несмотря на многочисленные сексуальные связи, лишь одна женщина оставила заметный след в его жизни. В своих мемуарах он называет ее Генриэттой. Эта француженка была не только красива, но и очень умна. Их роман продлился всего три месяца, а забыть Казанова не мог ее до конца своей жизни.

«Те, кто верит, что женщина не может сделать мужчину счастливым все двадцать четыре часа в сутки, никогда не знали Генриэтту. Радость, наполнявшая мою душу, была значительно большей днем, когда я разговаривал с ней, нежели ночью, когда она была в моих объятьях. Будучи очень начитанной и обладая врожденным вкусом, Генриэтта правильно судила обо всем», – вспоминал Казанова о ней.

Внешность Казановы была далека от современных представлений о мужской привлекательности. Его друг князь де Линь так его описывал: «Он был бы красив, когда бы не был

уродлив: высок, сложен как Геркулес, лицо смуглое; в живых глазах, полных ума, всегда сквозит обида, тревога или злость, и оттого-то он кажется свирепым. Его проще разгневать, чем развеселить, он редко смеется, но любит смешить; его речи занимательны и забавны, в них есть что-то от паяца Арлекина и от Фигаро». Казанова был знаком с Моцартом, Вольтером и Гете. Современники вспоминают его как просвещенного, обаятельного и веселого человека, в то же время не брезговавшего карточным шулерством. При необходимости он – страстный путешественник и искатель приключений – отважно действовал пистолетом и шпагой.

Биография

Джованни Джакомо Казанова, шевалье де Сенгальт, родился 2 апреля 1725 года в Венеции.

Родителями Казановы были актеры, оба якобы принадлежавшие к дворянскому роду Палафоксов. Отец Джакомо умер, когда тому было 8 лет. Мать зарабатывала, гастролируя по Европе, поэтому детство мальчик провел с бабушкой Марцией Балдиссера. Ребенка мучили носовые кровотечения, поэтому на 9-й день рождения он оказался в пансионе в Падуе для лечения. В одном из своих сочинений Казанова напишет, что это событие стало неприятным сюрпризом: Джакомо показалось, что от него избавились. Условия для жизни пансион предоставлял ужасные. Мальчик попросил-

ся на попечение к своему первому учителю – аббату Гоцци, который обучал его наукам и музыке. С 1734 по 1737 годы Казанова жил в семье священника. Там он первый раз влюбляется в младшую сестру Гоцци, Беттину. Первый контакт с противоположным полом у Казановы произошел в 11 лет, в доме учителя Гоцци. Возлюбленной стала младшая сестра священника Беттина. Казанова в мемуарах опишет ее как красивую, веселую и увлеченную чтением. Именно эта девушка разожгла в сердце знаменитого авантюриста чувства, которые станут главной страстью Джакомо. Несмотря на то, что Беттина вышла замуж, Казанова сохранил к ней теплые чувства на всю жизнь.

Итак, начальное образование Джакомо получает в школе в Падуе.

1734–1739 годы – Казанова изучает право в Падуанском университете. Получив в 17 лет ученую степень юриста, Казанова, как он позже напишет в сочинениях, эта профессия, дающая возможность безбедного и спокойного существования, его не устраивала, а вот попечитель Гоцци надеялся, что Джакомо станет церковным правоведом и добропорядочным гражданином.

В молодости Казанова водит тесную дружбу с аббатом Берни, графом Лионским, послом Франции в Венецианской республике. Эта дружба сыграет важную роль в судьбе знаменитого авантюриста.

1742 год – Джакомо Казанова получает степень доктора

юриспруденции. В этом же году Казанова поступает в духовную семинарию Святого Киприана. Он готовится принять духовный сан, но за многочисленные любовные приключения и интриги исключен из семинарии. Тогда Джакомо решил приобрести патент офицера: заказал у портного невероятно белый мундир с золотыми эполетами, купил длинную саблю. Таким видом красавец хотел сразить жителей города. Но и военная карьера была слишком скучна для авантюриста, а жалование он проигрывал. Казанова оставляет службу и устраивается скрипачом в театр Сан-Самуэле, где с удовольствием участвует в скандальных гуляниях и сомнительных развлечениях. Судьба улыбнулась молодому человеку, когда он спас жизнь венецианскому сенатору Джованни ди Маттео Брагадину, которого хватил удар во время возвращения с пирушки в одной гондоле с Казановой. Джакомо «откачал» умирающего политика, за что тот усыновил его и стал покровителем. Теперь обеспеченный «сынок» с головой окунулся в азартные игры, скандальные любовные похождения, политические интриги, путешествия по Европе, «отмечаясь» в каждом городе драками в общественных местах. Как ни странно, но при такой насыщенной и разгульной жизни он успевает делать блестящие литературные переводы и писать комедии, которые с успехом ставятся в театрах.

Конец марта – конец июля 1743 года – из-за собственных интриг Казанова заключен в форт Сан-Андреа.

Несколько лет Казанова проводит в путешествиях. Он по-

сещает Неаполь, Рим, Париж, Константинополь.

1746 год – по возвращении в Венецию Джакомо становится придворным скрипачом у сенатора Брагадино.

В 1749 году Казанова путешествует по Италии, ведет распутный образ жизни, после чего отправляется в Париж. По дороге он неоднократно предается любовным утехам. В воспоминаниях он писал, что главные делом его жизни являлись чувства и наслаждения. Однако Казанова был всегда предусмотрителен, используя «предохранительные колпачки», которые мужчина предварительно проверял, надувая. Обременять себя детьми в его планы не входило.

На рисунке Казанова проверяет на прочность презервативы

Идеальная связь, по мнению Джакомо, состояла из четырех этапов: сначала он находил женщину, недовольную любовником, затем избавлял ее от затруднения. Следом он соблазнял даму, заводя мимолетный роман. В финале отношений любовник, теряя интерес к женщине, сводил ее с богатым мужчиной или устраивал замуж. Сам же Джакомо ни разу не был женат официально. К тому же в нескольких ме-

стах мемуаров автор между строк намекает на свои отношения с мужчинами.

Многие из его похождений описаны в мемуарах. Историки признают, что рассказы полны неточностей, возможно, преувеличены, но канва сюжета реалистична. Во Франции знаменитый авантюрист прожил два года, выучил язык, но образ его жизни привлек внимание полиции, поэтому Казанова решил уехать в Германию, затем – в Австрию. В итоге он вновь оказывается в Венеции: пьянки и кутежи становятся еще более необузданными.

Итак, в 1753 году путешественник посещает Дрезден, Прагу и Вену, после чего возвращается в Венецию.

В 1756 году после одной из любовных интриг Казанова заключен в тюрьму за обман и богохульство. Джакомо попадает в тюрьму для политических заключенных, его обвинили в преступлении против веры. Дело в том, что во время путешествия по Франции Казанова стал членом масонского общества. Из-за интереса к оккультизму и связей с масонами в 1755 г. он и был арестован и заключен в Пьомби – «Свинцовую тюрьму».

В своих мемуарах Казанова утверждает, что ему удалось совершить побег из тюрьмы, осуществить который ему помог священник-отступник из соседней камеры. Якобы они проделали дыру в потолке, выбрались на крышу, а оттуда спустились вниз на простынях. Существует также версия о том, что ему помог откупиться один из богатых покровите-

лей.

1756 год – побег из тюрьмы; Казанова уезжает из Венеции. Авантюрист снова отправляется в Европу. Джакомо решил вести себя более сдержано, представлялся алхимиком, был знаком с Жан-Жаком Руссо и мадам де Помпадур.

1757 год – Берни, которого Казанова знал еще с юности по венецианским кутежам, получает пост министра иностранных дел Франции и приглашает Джакомо в Париж. Здесь Берни тепло принимает старого друга, а Казанова соглашается выполнить для него ряд «секретных поручений».

Постепенно, благодаря Берни, Казанова вовлечен в секретную дипломатическую деятельность Франции. Министр иностранных дел Франции де Берни отправил его в Дюнкерк в качестве шпиона. И тут Казанова справился с задачей – он выведал информацию о строении кораблей и слабых местах армии противника. Джакомо общался с европейскими монархами, кардиналами и выдающимися мыслителями.

Он становится светским львом, помимо шпионажа занимается также спекуляциями и магией. Его назначают директором французской лотереи. Казанова вошел в историю и как изобретатель первой национальной лотереи. После очередного побега из тюрьмы он изобрел способ, как можно заработать деньги для государства быстро, легко и безболезненно. Билеты вмиг разошлись, ему удалось выручить немалую сумму.

1758 год – Казанова по поручению французского прави-

тельства отправляется с секретным заданием в Голландию. В этом же году Джакомо сворачивает свою шпионскую деятельность, так как на пост министра иностранных дел приходит герцог де Шуазель.

Он покидает Париж и снова странствует по Европе.

1759 год – возвращение в Париж, где, спустя несколько месяцев, Казанова за долги посажен в Форт-л'Эвек. Под арестом авантюрист проводит два дня, после чего тут же снова с секретной миссией едет в Голландию.

1760 год – Германия. Казанова посещает Кельн, Штутгарт. В Германии путешественника постоянно преследуют кредиторы, и даже один раз арестовывают. Через Швейцарию он бежит в Париж.

1761 год – Джакомо Казанова представляет Португалию на Аугсбургском конгрессе.

1763 год – посещение Лондона, откуда приходится бежать из-за долгов.

1764 год – снова Германия. В Берлине Казанова удостаивается аудиенции короля Фридриха Великого. Путешественник имеет возможность остаться в Германии на военную службу (стать начальником кадетского корпуса), но отклоняет это предложение, предпочитая скитаться и переживать множество разнообразных приключений и любовных интриг.

1765 год – Россия. Казанова посещает Петербург, Москву; он представлен Екатерине II. Проведя в России около года,

уезжает в Варшаву.

1766 год – из Варшавы в Германию авантюрист бежит из-за конфликта с графом Барницким, приведшего к дуэли. Джакомо снова скитается по Европе: Австрия, Германия, Франция, Испания, Италия… Везде он занимается мелкой шпионской деятельностью и переживает огромное количество любовных приключений.

1768 год – в Испании Казанове удается дважды побывать в тюрьме. В первый раз авантюрист заключен в мадридскую тюрьму Буэн-Ретиро за незаконное хранение оружия, во второй раз – в Барселоне, за интригу с любовницей губернатора. В Мадриде его заключение длилось два дня, в Барселоне – чуть более месяца.

1769 год – Казанова пишет «Опровержение».

1770 год – Италия. Снова дружба с Берни, ставшим к тому времени кардиналом. В результате финансовой махинации Казанова приобрел шелковую мануфактуру во Франции. Но бизнес его не интересовал: большую часть прибыли он тратил на любовные интриги с подчиненными, превратив их в гарем. И снова долги, и снова он в бегах. Годы странствий не прошли бесследно для Джакомо: после того как у него обнаружили венерическое заболевание, авантюрист вернулся в Венецию.

1775 год – Казанова получает разрешение вернуться в Венецию, которым тут же пользуется. Связей там уже не осталось, на женщин и игры денег не было. Казанова жил за счет

инквизиции – они выплачивали средства за шпионаж. Попросту говоря, собирал сплетни о гражданах, фиксировал их высказывания о власти.

Одновременно с этим Казанова занимает должность директора театра.

1782 год – Казанове приходится оставить службу и снова бежать из Венеции. Это происходит после публикации его памфлета «Ни любви, ни женщин, или Очищенные конюшни». Кроме того, очередным своим романом он оскорбляет дворянина Гримальди. Джакомо едет в Австрию, потом в Чехию.

1783 год – Казанова в последний раз посещает Венецию и проводит на родине несколько недель.

1784 год – в Вене Казанова служит секретарем у посла Венецианской республики. Знакомство и дружба с графом Вальдштейном.

1785 год – граф Вальдштейн предлагает Казанове должность библиотекаря в своем поместье Гут-Дукс, расположенном в Богемии. Казанова соглашается. В Гут-Дуксе он не только служит библиотекарем, но и совместно с хозяином замка занимается магией и алхимией.

1790 год – Казанова принимается за написание своих «Мемуаров». Творчество стало единственной отрадой. Знаменитый авантюрист умер в 73 года 4 июля 1798 года, вдали от родины, оставив после себя около 20 произведений, главными из которых являются мемуары «История моей жизни».

Более 6 лет он писал воспоминания, так и не успев окончить их: 3500 листов редакторы после ухода Джакомо из жизни разделили на 10 томов. История опубликования мемуаров Джакомо Казановы так же загадочна и необычна, как и сама его жизнь. Долгое время считалось, что он погиб во время кораблекрушения, путешествуя по Балеарским островам, где незадолго до гибели закончил записки и предусмотрительно запечатал их в водонепроницаемый ящик. Полвека спустя рыбаки выловили его и передали своему хозяину, а тот, в свою очередь, – лейпцигской типографии, где записки авантюриста и увидели впервые свет. В полном виде, хотя и в «литературной обработке», текст мемуаров Казановы был напечатан в 1822–1828 годах в немецком переводе с французского оригинала, а затем издан на французском в 1826–1832 и в 1843 годах. Высоко оцененные молодым Гейне уже после появления первого тома, мемуары Казановы получили с этого времени всемирную известность и были вскоре переведены на многие европейские языки. Его книгой восхищались Стендаль, Мюссе, Делакруа, в России – Ахматова, Блок, Цветаева. Сокращенный русский перевод мемуаров в одном томе вышел на русском языке в Санкт-Петербурге в 1887 году. Но еще в 1861 году в журнале «Время», за подписью «редактор», за которой скрывался Ф.М. Достоевский, появилось «Предисловие к публикации «Заключение и чудесное бегство Жака Казаковы из Венецианских темниц (Пломб) *(Эпизод из его мемуаров)*». Он отме-

чал, что книга Казановы совершенно неизвестна русскому читателю. «Между тем французы ценят Казанову как писателя даже выше Лесажа, автора романов «Хромой бес», «История Жиль Блаза из Сантильяны». Так ярко, так образно рисует он характеры, лица и некоторые события своего времени, которых он был свидетелем, и так прост, так ясен и занимателен его рассказ».

Граф Калиостро

Джузеппе Бальзамо, более известный как граф Калиостро, – это человек, слава которого преувеличена легендой. Граф Алессандро Калиостро, известный также под именами Феникс, Тискио, Бельмонте и маркиз де Анна, прославился в мире благодаря собственной смекалке. Мужчина, который начал карьеру с продажи фальшивых карт сокровищ, спустя годы стал вхож в королевские дома Европы и России. Неудивительно, что столь загадочный персонаж со временем переместился на страницы произведений, написанных мировыми классиками. Современники поражались умению графа подать себя в обществе и отмечали необъяснимый интерес женщин к алхимику при заурядной внешности последнего: «Смуглолицый, широкий в плечах человек средних лет и невысокого роста. Говорил он на трех или четырех языках, притом на всех без исключения – с иностранным акцентом. Держался таинственно и напыщенно. Щеголял перстнями, украшенными редкими драгоценными камнями».

Наибольшую известность истории, связанные с именем графа, получили после выхода романа Александра Дюма-отца «Жозеф Бальзамо». Книга создала небывалый ажиотаж и даже вызвала разговоры о том, что великий мистификатор до сих пор жив. Интерес подкрепило следующее произведение писателя – «Ожерелье королевы», затрагивающее аферу

мадам де Ламотт де Валуа с драгоценностями Марии-Антуанетты.

Трудно ответить на вопрос, был ли он человеком, призванным подготовить Французскую революцию, или он шарлатан, выдававший себя за мага. Более определенно можно сказать лишь то, что Калиостро был мистиком и масоном, обладавшим незаурядной силой внушения.

Джузеппе Бальзамо родился 8 июня 1743 года на острове Сицилия в городе Палермо. По словам же самого Калиостро, он родился от любовного союза принцессы, имя которой нельзя называть, и ангела. Мальчик появился на свет в восточной стране, неподалеку от места, где Ной построил ковчег. Кстати, граф лично был знаком с великим праведником и даже занял почетное место на корабле во время потопа. Позже, перебравшись в Медину, Алессандро провел юность в роскоши. Достиг зрелого возраста и с благословения родного дяди отправился в кругосветное путешествие с уважаемым наставником Альтотасом.

Мужчина побывал в Африке, много времени провел в Египте, где изучал тайны пирамид и общался с фараонами. Позже просвещенный муж перебрался в Европу, чтобы больше узнать о тайнах мироздания, которые теперь рассказывает избранным. Исторические источники утверждают, что настоящий Джузеппе Бальзамо родился на Сицилии в семье торговцев сукном. Пьетро и Фелиция не могли совладать с сыном, который с детства отличался непростым характером.

В свое время будущий Калиостро был известен под разными именами: Тискио, Мелина, граф Гарат, маркиз де Пеллегрини, маркиз де Анна, граф Феникс, Бельмонте. Родители его были набожными католиками, мелкими торговцами сукном и шелковыми материями.

Мальчика, обладавшего пытливым умом и способностями, родители отдали в семинарию святого Роха в Палермо. После того как он сбежал оттуда, его поместили в монастырь святого Бенедетто около Кальтаджироне. Благодаря склонности к ботанике, парня отдали на воспитание монастырскому аптекарю, и в его лаборатории он обучился пользоваться различными средствами, что ему очень пригодилось в будущем. Один из биографов Калиостро отметил, что мазь для лица, скипидарные пилюли и канадский бальзам готовились в обычных аптеках по рецептам Калиостро, которые сохранились. Когда швейцарский пастор, философ и писатель Иоганн Каспар Лафатер спросил у него, в чем его секрет, Калиостро коротко ответил, что вся его наука заключается in verbis, herbis et lapidibus («в словах, травах и камнях»). Сказанное означало, что Калиостро совершает свои чудесные исцеления при помощи простых снадобий: растений, минералов и гипнотического дара внушения.

Отцы-бенедиктинцы частенько наказывали будущего чародея за различные проделки, которые не всегда были безобидными. При помощи своего родственника-нотариуса он подделал завещание в пользу маркиза Мориджи. В другой

раз Бальзамо (более привычное имя Джузеппе на французский лад) проявил свое знание мистицизма. Ему удалось дочиста обобрать золотых дел мастера Марано, которому он обещал найти в окрестностях Палермо богатейший клад. Обманув простака, Бальзамо уехал в Мессину и там принял фамилию своей тетки – Калиостро, присовокупив к ней графский титул, о котором впоследствии сам говорил, что он не принадлежит ему по рождению, но имеет особое таинственное значение. Впрочем, однажды он открылся своей собеседнице (скрытой недоброжелательнице Калиостро), что он не испанец, не граф Калиостро, но что он служил великому Кофте под именем Фридриха Гвалдо, и заявлял при этом, что должен таить свое настоящее звание. Недолгое пребывание в монастыре открыло для будущего Калиостро мир медицины и химии. Но, поймав молодого человека на мошенничестве, монахи выгнали Бальзамо из обители.

Так началась самостоятельная жизнь великого мистификатора. Юноша промышлял кражами и обманом, пока в Мессине не умерла родная тетка Джузеппе. Парень отправился в родные края, надеясь на часть наследства. Но в результате просто присвоил имя родственницы и добавил к звучной фамилии Калиостро незаслуженный титул.

Свыкаясь с новым образом, молодой человек отправился в путешествие по Востоку, в котором познакомился с собственным наставником – аферистом Альтотасом. Теперь мелкие махинации переросли в масштабные операции.

В «Путешествии в Италию» Иоганн Вольфганг фон Гете (сам большой знаток герметизма) так описывает Калиостро: «Я отвечал, что перед публикой он и впрямь держался как высокородный аристократ, но в кругу друзей часто признавал свое скромное происхождение».

Вообще, Джузеппе предпочитал говорить о своем родстве по материнской линии, которая восходила к некоему Маттео Мартелло, поскольку это имя звучало как Карл Мартелл – знаменитый майордом франков, спасший в VIII веке Европу от нашествия мавров.

В Мессине, по сведениям Калиостро, он встретился с таинственным армянином Альтотасом, которому он был обязан всеми своими познаниями. Еще при жизни мистического графа загадочный армянин появился в незаконченном романе Фридриха Шиллера «Духовидец» – образ, скорее всего, навеянный всей эпопеей, связанной с авантюристом Калиостро. Впоследствии историки выяснили, что Альтотасом был человек неизвестного происхождения по имени Кольмер. Этот тип долгое время проживал в Египте, где узнал чудеса древней магии и с 1771 года стал учителем других, посвященных в оккультные тайны.

Вместе с Альтотасом Калиостро посетил Египет, был в Мемфисе и Каире, а затем они приплыли на остров Родос. Когда они сели на корабль, чтобы снова вернуться в страну фараонов, ветер отогнал судно к Мальте. Тогда великим магистром Мальтийского ордена был Мануэль Пинто де Фон-

сека, питавший большую склонность к таинственным наукам. Шестьдесят восьмой гроссмейстер ордена предоставил гостям свою лабораторию, в которой они могли утолить свою страсть к алхимии. Говорили, что они занимались поиском философского камня и эликсира вечной молодости.

Альтотас исчезает с Мальты. Скорее всего, он просто сменил имя. Калиостро с рекомендательными письмами от великого магистра, с которым он подружился, отправился в Неаполь к рыцарю Аквино де-Караманика. Там Калиостро хотел открыть игорный дом, но заподозренный неаполитанской полицией перебрался в Рим, где полюбил юную девушку. Лоренцо Феличиани была не только юна и прелестна, но и толкова. Женитьба на ней давала Калиостро возможность приобрести и жену, и сообщницу своих плутней. Как тогда писали, «преданная жена не должна для выгод мужа останавливаться даже перед собственным позором». Весьма прозрачный эвфемизм торговли живым товаром.

Первые годы аферы графа не приносили достаточного дохода, поэтому часто за собственные ошибки и долги мужчина расплачивался с помощью Лоренции. Девушка торговала собой, чтобы вызволить мужа из долговой тюрьмы или получить денег на еду.

В Вечном городе Калиостро свел дружбу с Оттавио Никастро, закончившим свои дни на виселице, и маркизом Альято, умевшим подделывать почерки и составившим для Джузеппе патент на имя полковника испанской службы. В этом

чине он позже прибудет в Петербург. Но сначала он отправился в Бергамо. Маркиз, которому угрожал арест, сбежал от супружеской четы, прихватив с собой все деньги. Под видом паломников бедняги отправились в Мадрид, где Калиостро торговал прелестями своей супруги, а потом уехал с ней в Лондон. Первый приезд туда Калиостро в 1772 году оказался крайне неудачным. Выкупленный женой из английской тюрьмы, Калиостро отправился в Париж. Именно здесь к нему пришла слава. Конкуренцию алхимику и магу составлял в тогдашней столице мира некий Месмер, заворожившей французскую публику опытами с животным магнетизмом. И тогда Калиостро уехал сначала в Брюссель, а затем в Германию, где его посвятили в масоны.

Когда Джузеппе вторично вступил на берега Альбиона, его уже ждал оглушительный успех, равного которому он и не мог себе представить. Перед масоном Калиостро открывались двери любых салонов и кружков, в которых он блистал в качестве эмпирика, духовидца и алхимика. В Лондоне Калиостро основал египетское масонство, допускавшее применение таинственных сил природы. Именно в это время на рядового авантюриста обратили внимание иллюминаты – масонский орден, поставивший своей целью бороться с монархиями и христианской Церковью. Глава иллюминатов, Вейстгаупт, обязался оказывать Калиостро финансовую поддержку в обмен на обещание пропагандировать идеи этого тайного общества. Здесь следует заметить, что иллюминатом

был и великий Гете, который мог лично знать Калиостро. С этого времени дела Калиостро пошли в гору. Чтобы замаскировать источник своих средств, он ежемесячно запирался в своем кабинете, давая понять, что в это время изготовляет золото.

Во время его второго визита в английскую столицу его уже окружал ореол путешественника по таинственному Востоку, где он коснулся величайших тайн и обрел оккультные знания. Иллюминаты всячески поддерживали эту легенду, создавая вокруг своего адепта ореол таинственности. Когда собеседники просили Калиостро объяснить нечто таинственное, он в ответ рисовал им эмблему – змею, державшую в пасти яблоко, пронзенное стрелой, что означало мудреца, обязанного хранить свои знания в глубочайшей тайне. Тем временем его супруга Лоренца переменила имя на Серафиму и, оставив прежнюю свою беспутную жизнь, начала вращаться среди благочестивых квакеров, агитируя в пользу своего мужа.

Являлся ли Калиостро основателем египетского масонства? Современный французский специалист по оккультизму Андре Натаф (André Nataf) пишет: «Он основал несколько масонских лож, в частности, «ложу Мудрости», изобрел ритуал египетского масонства, большим почитателем которого себя объявлял».

Русский писатель и историк XIX века Евгений Петрович Карнович на этот счет выразился более пространно: «Что

касается египетского масонства, то Калиостро не был собственно его основателем. Оно до него еще было изложено в рукописи какого-то Джоржа Гостона. Калиостро купил случайно эту рукопись у одного лондонского букиниста и воспользовался ею, хотя и говорил, что мысль о таком масонстве была почерпнута им в папирусах египетских пирамид». Вскоре под именем маркиза Пелегрини Калиостро объявился в Венеции. Затем его путь лежал в Голштинию, где Калиостро встретился со знаменитым графом Сен-Жерменом, который, помимо всего прочего, был также странствующим тамплиером. Некоторые авторы свидетельствовали, что Калиостро получил от Сен-Жермена посвящение в рыцари тамплиеров. По всей видимости, Сен-Жермен посоветовал Калиостро отправиться в Петербург. По свидетельству барона Глейхена, граф был в российской столице в июне 1762 года и сохранил дружеские отношения с князем Григорием Орловым, называвшим Сен-Жермена caro padre («дорогой отец»).

Дорога в Северную Пальмиру лежала через Курляндию, и в 1779 году Калиостро оказался в Митаве. Современники отмечали, что расположение курляндцев к Калиостро было так велико, что они даже хотели избрать его своим герцогом, вместо Петра Бирона, которым были недовольны. Случались и досадные проколы. Так, профессор Уппсальского университета Норберг, долго живший на Востоке, обнаружил полное незнание Калиостро арабского языка. При этом сохрани-

лось множество свидетельств, что Калиостро «говорил почти на всех европейских языках с удивительным, всеувлекающим красноречием».

В целом о Калиостро отзывались позитивно. Характерный пример этому находится в записках барона Глейхена (Souvenirs de Charles Henri baron de Gleichen, Paris, 1868): «О Калиостро говорили много дурного, я же хочу сказать о нем хорошее. Правда, что его тон, ухватки, манеры обнаруживали в нем шарлатана, преисполненного заносчивости, претензий и наглости, но надобно принять в соображение, что он был итальянец, врач, великий мастер масонской ложи и профессор тайных наук. Обыкновенно же разговор его был приятный и поучительный, поступки его отличались благотворительностью и благородством, лечение его никому не делало никакого вреда, но, напротив, бывали случаи удивительного исцеления. Платы с больных он не брал никогда».

В Петербурге Калиостро объявился под именем графа Феникса. Сведения о пребывании Бальзамо в России содержались в небольшой книжке Aventures de Cagliostro, изданной в Париже в 1855 году. Итак, в 1779 году он прибыл в Петербург с расчетом расширить влияние ложи, но прогадал во всех отношениях. По приезде Калиостро заметил, что его известность в России была не так громка, как он полагал. «И как человек чрезвычайно сметливый, он понял, что при подобном условии ему невыгодно было выставлять себя напоказ с первого же раза. Он повел себя чрезвычайно скромно,

без всякого шума, выдавая себя за чудотворца, не за пророка, а только за медика и химика, – пишет Карнович. – Жизнь он вел уединенную и таинственную, а между тем это самое еще более обращало на него внимание в Петербурге, где известные по чему-либо иностранцы являлись постоянно на первом плане, не только в высшем обществе, но и при дворе. В то же время он распускал слух о чудесных исцелениях, совершенных им в Германии никому еще неизвестными способами, и вскоре в Петербурге заговорили о нем, как о необыкновенном враче».

Тем временем прекрасная Лоренца вызвала слишком живой интерес князя Потемкина! Жена Калиостро Лоренца Феличиане отличалась красотой, она описывается как статная стройная молодая женщина с белой кожей, черными волосами, круглым лицом и блестящими глазами. Жизнь с Бальзамо не была сладкой. Когда у Калиостро заканчивались средства на существование, он, как мы уже отмечали выше, фактически торговал женой. Тем не менее женщина продолжала следовать за мужем и ассистировать ему в любых начинаниях. Лоренца воздействовала своей красотой не только на мужчин, но и на женщин. Она говорила, что ей более 40 лет и ее старший сын давно служит капитаном в голландской службе. Когда русские дамы изумлялись ее необыкновенной моложавости, та рассказывала, что ее внешность сохранена благодаря чудесному снадобью против старости, изготовленному ее мужем. Богатые русские барыни тратили огромные

деньги на склянки чудодейственной воды, предлагаемой Калиостро. Однако связь Потемкина с итальянкой не могла радовать императрицу, и спустя девять месяцев после прибытия Калиостро пришлось выехать из России. Конечно, дело было не только в проделках Потемкина, успевшего осыпать свою любовницу драгоценностями.

Мистификации подозрительного итальянца не вызвали горячего интереса в среде образованной русской знати, хотя масонство тогда уже было распространено и в России. Так, статс-секретарь императрицы Иван Перфильевич Елагин, сам увлеченный франкмасон, однажды дал итальянцу пощечину, когда понял, что в своих рассказах Бальзамо допускал множество исторических и географических ошибок и порой просто вешал лапшу на уши.

Были и другие сложности. Так, через некоторое время после «излечения» новорожденного ребенка князя Гагарина его мать заподозрила подмену. «И весь Петербург заговорил об этом. Когда же началось по поводу этого говора следствие, то Калиостро не отпирался от сделанного им подмена, заявляя, что так как отданный ему на излечение ребенок действительно умер, то он решился на обман для того только, чтобы хотя на некоторое время замедлить отчаяние матери. Когда же его спросили, что он сделал с трупом умершего ребенка, то Калиостро отвечал, что, желая сделать опыт возрождения (палингенезиса), он сжег его», – утверждает Карнович.

Критики Калиостро подозревали в его желании обольстить Потемкина тайный умысел, мол, хитроумный мнимый граф хотел получить аудиенцию у самой императрицы.

Однако Екатерина II так и не приняла великого целителя и алхимика. По слухам, якобы из-за ревности: Потемкин сблизился с красавицей-женой Калиостро. Кроме того, о чародее поползли по столице дурные слухи. Шашни фаворита, дескать, и послужили высылке графа Феникса с супругой за пределы Российской империи. До Москвы Калиостро так никогда и не добрался. Когда Бальзамо было указано покинуть Петербург, на путевые издержки от императрицы он получил крупную сумму. В 1786 году на сцене театра в Эрмитаже состоялась премьера комедии «Обманщик», сочиненной лично Екатериной II, о неком Калифалкжерстоне – мошеннике, очень напоминающем Калиостро. В 1870 году свет увидела ее книга «Тайна противо-нелѣпаго общества», в которой высмеивалось масонство и его тайны.

Во Франции знаменитый авантюрист «вляпался» в еще один скандал, связанный с ожерельем королевы.

Среди поклонников Великого Копта в этой стране были герцог Люксембургский и известный натуралист Ромон. Ученики называли Калиостро «обожаемый отец» и «достойнейший учитель». Все хотели иметь его портрет на медальонах, кольцах, веерах; в знатных парижских домах стояли бюсты «божественного Калиостро».

«Графа», как всегда, сопровождала Лоренца Феличиани,

его жена, с которой, разумеется, тоже говорили духи света и тьмы. По-княжески расточительный, появлявшийся на улицах и в общественных местах в сопровождении многих слуг, в великолепном костюме, украшенном бриллиантами и орденами, он всюду возбуждал удивление и внимание к своей особе. Даже Гете признавал, что «Калиостро во всяком случае замечательный человек». Калиостро гениально удовлетворял потребности в демонических героях, которых так любила, как это не покажется странным, эпоха Света и Разума, ибо свет нуждается в тени, а как сказал святой Бонавентура, без черной краски палитра мира была бы неполной.

«Он был, – пишет в своих мемуарах баронесса Оберкирх, – не то чтобы красив, но я никогда не видела более выразительной физиономии. Он обладал взглядом почти сверхъестественной глубины. Выражение его глаз было то как пламя, то как лед; он привлекал к себе и отталкивал; он то внушал боязнь, то казался непреоборимо привлекательным».

Однако вскоре этим триумфам пришел конец.

В Париже Калиостро сблизился с придворной интриганкой графиней Ла Мот, урожденной Валуа. Девизом этой достойной дамы были следующие слова: «Есть два способа выпрашивать милостыню: сидя на паперти церкви или разъезжая в карете». Ла Мот предпочитала второй способ. По совету Калиостро она уверила кардинала де Рогана, что королева Мария Антуанетта хочет тайком купить громадное бриллли-

антовое ожерелье, которое ювелиры Бемер и Бессанж продают за миллион шестьсот тысяч франков, но не решается сделать это открыто из-за боязни, что «философы тотчас напечатают памфлеты о растрате государственных средств». Ла Мот убедила кардинала, который в то время был в немилости, что если он купит для королевы это ожерелье, то будет щедро вознагражден ее величеством. Роган все же предпочел услышать это обещание из уст самой королевы. Августовской ночью 1785 года в Трианонском парке, на одинокой тропинке, кардинал встретился с «королевой», укрывшейся под плащом с капюшоном, которая подтвердила слова Ла Мот. Роган и не подозревал, что разговаривал не с Марией Антуанеттой, а с девицей Марией Олива, чрезвычайно похожей на королеву.

Покупка состоялась в кредит, и кардинал передал ожерелье Ла Мот. Но когда ювелиры со счетом пришли во дворец, возмущению Марии Антуанетты не было предела. 15 августа Рогана, собиравшегося идти служить мессу, призвали в кабинет короля, где находились Мария Антуанетта и еще несколько человек придворных.

– Что это за ожерелье, которое вы будто бы доставили королеве? – грозно спросил кардинала Людовик.

Смущенный Роган попросил дать ему возможность оправдаться в письменной форме. Его отвели в соседнюю комнату и дали бумагу и перо. Когда он закончил писать, его арестовали.

– Ваше величество, – воззвал кардинал, – избавьте меня от позора быть арестованным в архиерейском облачении, на глазах всего двора.

– Так и должно быть, – лаконично ответил король. Вечером того же дня дом Рогана был иллюминирован, а парижане пели веселые песни о королеве, называя ее «госпожой Дефицит», так как сплетня о ее участии в этом деле не подвергалась сомнению. Однако ее невиновность доказывается хотя бы тем, что ранее король дважды изъявлял желание подарить ей это злосчастное ожерелье и каждый раз Мария Антуанетта отвергала подарок.

18 мая арестовали Ла Мот и также посадили в Бастилию. После первых допросов интриганки был арестован Калиостро, а затем и Олива. Мнимая королева в момент ареста была беременна и в крепости родила мальчика; ребенок получил фамилию своего незаконного отца Тусена де Босир, признавшего себя виновником его появления на свет.

Кардиналу отвели в Бастилии комнату майора Делома, находившуюся на большом дворе, где были помещения для офицеров. Ему позволили взять с собой трех камердинеров. У дверей его комнаты постоянно находился часовой. Комендант де Лоне был то чересчур строг с арестованным, то слишком благосклонен к нему – смотря по тому, склонялся процесс к осуждению или оправданию Рогана. Из казны на содержание кардинала отпускали 150 ливров в день.

Роган и Ла Мот шантажировали судей, что в случае при-

знания их виновности они впутают в дело королеву. Из-за боязни скандала 31 мая 1786 года кардинал Роган был оправдан судом парламента. В этот день Париж ликовал: верноподданные логично заключили, что, если кардинал невиновен, значит, осуждены королева и двор. Роган сделался знаменитостью, хотя до того, по словам Луи Блана, «не имел даже популярности своих пороков». После своего выхода из крепости он снова поссорился со двором, но так как его здоровье было подорвано десятимесячным заключением, то на этот раз его сослали в провинцию Овернь.

Оливу, ввиду ее беременности, освободили из-под стражи еще раньше. Ла Мот признали виновной в обмане и махинациях и приговорили к наложению клейма рукой палача и тюремному заключению. Во время экзекуции она так извивалась в руках у стражников, что палач заклеймил не плечо, а грудь. Из Бастилии ее перевели в другую тюрьму и в ноябре без шума выпустили на свободу.

Что касается Калиостро, то, хотя суд и оправдал «графа», ему было предложено покинуть Францию. Он переехал в Лондон, оттуда в Швейцарию и, наконец, в Рим. Здесь он попал прямо в руки инквизиции, давно с интересом наблюдавшей за его фокусами.

История с ожерельем королевы Франции Марии-Антуанетты закончилась для Калиостро и его жены оправдательным приговором французского правосудия, но скандал дал повод к шумным манифестациям против королевского дво-

ра. В 1787 году Калиостро как истинный иллюминат напечатал в Лондоне свое знаменитое послание к французскому народу, в котором ясно предсказывал грядущую революцию и предстоящее разрушение Бастилии.

Любопытно, что одним из фактов, заставляющих многих исследователей верить в сверхспособности этого человека, было его «Письмо к французскому народу», в котором Калиостро предсказал Великую французскую революцию, гибель короля Людовика XVI от рук восставшего народа и разрушение Бастилии. Однако если учесть, что некоторые исследователи связывают переворот непосредственно с масонским влиянием (Сергей Нилус, к примеру, утверждал, что масоны знали о нем заранее), то информация могла быть почерпнута Бальзамо в ложе, чем он и воспользовался, чтобы укрепить свое положение.

После того как британский репортер Моранд разоблачил всю прошлую жизнь Калиостро, тот поспешил укрыться в Голландии, а потом и в Швейцарии. Он поехал в Рим и по убеждению Лоренцы успел учредить в папской столице ложу египетского масонства. Один из его адептов донес на него, за ним стали следить и открыли его переписку с якобинцами. Великая французская революция напугала католическое духовенство, священнослужители стали покидать ложи, вовлечение в масонство каралось смертью. В 1789 году Калиостро арестовали по обвинению во франкмасонстве. Следствие изъяло все бумаги Бальзамо и обвинило его в чернокниж-

ничестве и мошенничестве. Лоренца дала показания против мужа, но это не спасло от наказания – ее приговорили к пожизненному заключению в монастыре, где она вскоре умерла. Самого Калиостро приговорили к публичному сожжению, однако папа Пий VI заменил казнь на пожизненное заключение. 7 апреля 1791 года Калиостро пришлось совершить торжественный ритуал покаяния. В рубахе и босиком, стоя на коленях со свечой в руках, он молил Бога о прощении, в то время как палач сжигал на площади перед церковью его магические книги и волшебный инвентарь. После этого Калиостро водворили в камеру замка Сан-Лео с единственным отверстием – в потолке. Через четыре года Джузеппе Бальзамо умер.

Мнения исследователей о личности Джузеппе Бальзамо неоднозначны. Кто-то действительно считает его магом, кто-то – только авантюристом. Так или иначе, но Калиостро удалось оставить след не столько в истории, сколько в культуре. Помимо Алексея Толстого, он вдохновил на создание произведений Гете («Великий Кофта»), Дюма-отца («Граф Калиостро»), Томаса Карлейля («Граф Калиостро»), Иоганна Штрауса («Калиостро»).

Основные приемы графа Калиостро, с помощью которых он воздействовал на людей

Калиостро много путешествовал, возможно, владел гипнозом (искусством «животного магнетизма»), знал химию настолько, чтобы успешно одурачивать современников. Например, он чертил на полу «магический круг», который начинал светиться таинственным зеленоватым светом, хотя секрет был прост – Бальзамо применял фосфор. На глазах у пораженной публики он во много раз «увеличивал» бриллианты, ловко заменяя настоящие камни на граненые стекляшки. В книге «От магов древности до иллюзионистов наших дней» А.А. Вадимов и М.А. Тривас рассматривают Калиостро прежде всего как талантливого иллюзиониста, творящего «чудеса» в корыстных целях.

«Женщины не могли оставаться равнодушными, видя, с какой легкостью он превращал пеньковую мешковину в драгоценный шелк (трюк из репертуара средневековых ярмарочных фокусников). Он показывал сосуд с магической жидкостью и опускал в него до половины гвоздь, обыкновенный большой железный гвоздь, выбранный одним из зрителей из груды точно таких же, – пишут Вадимов и Тривас. – Несколько таинственных заклинаний – и та часть гвоздя, которая была опущена в жидкость, становилась золотой.

Зрители могли взять гвоздь в руки и убедиться: железо превратилось в настоящее золото. На самом деле к гвоздю заранее аккуратно приделывали золотой колпачок-наконечник. Сверху весь гвоздь покрывали слоем краски, так что обе части выглядели одинаково. Когда же его окунали в жидкость, растворенная в ней кислота быстро разъедала краску, и золото начинало ярко блестеть. А заставить зрителя выбрать гвоздь, нужный для фокуса, – иллюзионный прием, подобный «форсированию» карты. Все исполнители карточных фокусов издавна пользуются им».

Калиостро сам изобретал приборы для фокусов, которые используются иллюзионистами и в наши дни. Однако представлялся Джузеппе Бальзамо не фокусником, а врачом, магом, носителем тайного знания, почерпнутого во время путешествий по Востоку и Египту. Еще раз не будет лишним напомнить, что масонская ложа иллюминатов, весьма влиятельная и богатая, явно использовала этого фокусника в своих целях, которые можно объяснить лишь стремлением манипулировать сознанием сильных мира сего. Именно они помогали создавать иллюзию таинственности и величия известного Копта.

Всю свою жизнь Бальзамо постоянно переезжал из одного европейского государства в другое, сам себя награждая титулами и званиями (так он стал «графом») и создавая вокруг себя ореол величия и таинственности. Сначала его превозносили, а распознав обман, гнали, что не мешало Калиостро че-

рез какое-то время снова являться в тех же местах в другом образе. Прежде всего он заботился о производимом впечатлении. Его слуги должны были распускать небылицы, например, что служат своему господину несколько сотен лет. Его очаровательная жена Лоренца откровенничала об уникальных талантах мужа уже в светском кругу. Сам же Бальзамо прямо заявлял, что знает секрет философского камня, умеет вызывать души умерших и читать мысли. Он утверждал, что родился в год извержения Везувия, и часть силы вулкана передалась ему. В важных случаях он являлся в одежде Великого Копта, которая состояла из длинного шелкового платья, схожего по покрою со священническою рясою, вышитого от плеч и до пяток иероглифами красного цвета. При такой одежде он надевал на голову убор из сложенных египетских повязок, концы которых падали вниз. Повязки эти были из золотой парчи и на голове придерживались цветочным венком, осыпанным драгоценными камнями. По груди через плечо шла лента изумрудного цвета с нашитыми на ней буквами и изображениями жуков. На поясе, сотканном из красного шелка, висел широкий рыцарский меч, рукоять которого имела форму креста.

А вот фрагмент описания процесса омоложения после приема «эликсира бессмертия», сохранившийся после уничтожения инквизицией всех бумаг Калиостро: «…приняв две крупицы этого снадобья, человек теряет сознание и дар речи на целых три дня, в течение которых он часто испыты-

вает судороги, конвульсии, и на теле его выступает испарина. Очнувшись от этого состояния, в котором он, впрочем, не испытывает ни малейшей боли, на тридцать шестой день он принимает третью и последнюю крупицу, после чего впадает в глубокий и спокойный сон. Во время сна с него слезает кожа, выпадают зубы и волосы. Все они вырастают снова в течение нескольких часов. Утром сорокового дня пациент покидает помещение, став новым человеком…».

Граф Сен-Жермен

> «Калиостро был хвастуном, однако граф Сен-Жермен хвастуном не был, и когда утверждал, что обучился химическим секретам египтян, он нисколько не преувеличивал. Но когда он упоминал подобные эпизоды, никто ему не верил, и он из вежливости к собеседникам делал вид, будто говорит в шутку».
> *(Умберто Эко, «Маятник Фуко»).*

Практически каждого человека, оставившего след в истории, окружают некие тайны. И одним из самых загадочных людей всех времен была личность, которую современники знали под именем графа Сен-Жермена.

XVIII столетие – эпоха великих событий и драматических сюжетов, оставшаяся в памяти человечества как «век Просвещения». Ньютон, Гарвей и Левенгук, Сведенборг и Шастанье, д'Аламбер, Дидро и Вольтер – естествоиспытатели, мистики и философы – своими деяниями расшатали привычные представления о Боге и окружающем человека мире. Европейское общество охватило могучее стремление познать тайны физического и духовного бытия.

Брожение умов стало питательной средой для авантюристов. Самозваные пророки и целители, политические проходимцы, алчные уголовники, хитрые мошенники, половые извращенцы, мистики, масоны и революционеры… Потемкин

и Пугачев, княжна Тараканова и Картуш, маркиз де Сад и Казанова, и многие-многие другие. Наконец, две самые прославленные личности, чьи имена стали фирменным знаком столетия – два лжеграфа, «великие волшебники», якобы постигшие все тайны Вселенной, – Калиостро и Сен-Жермен. Секрет последнего так и остался неразгаданным. До сих пор.

Происхождение графа Сен-Жермена, его настоящее имя и дата рождения неизвестны. Владел почти всеми европей-

скими языками, а также арабским и древнееврейским. Обладал обширными познаниями в области истории и химии. Занимался «улучшением» бриллиантов, алхимическим получением золота. Выполнял дипломатические миссии, пользуясь одно время доверием короля Людовика XV. Чаще всего именовал себя графом Сен-Жерменом, хотя и представлялся иногда под другими именами. С именем графа Сен-Жермена было связано множество вымыслов и легенд, во многом из-за которых он остался одной из самых загадочных фигур в истории Франции XVIII века.

Сен-Жермен был коренастым и широкоплечим мужчиной, по свидетельствам современников, одевался с «великолепной изысканной простотой» (барон де Глейхен), «скромно, но со вкусом» (г-жа дю Оссе, камеристка мадам де Помпадур).

Достоверных сведений о происхождении Сен-Жермена не существует. По наиболее распространенной версии – португальский еврей. В письме датскому королю Фредерику V Сен-Жермен писал: «По мужской линии я веду свой род от младшего сына короля, царствовавшего в восьмом веке… Мои беды и беды тех, кто был свидетелем моего рождения, принуждают меня умолчать об Отчизне моей и подлинном Имени…».

Ландграф Карл Гессенский передает со слов Сен-Жермена: «Он поведал мне о том, что, вне всякого сомнения, был плодом брачного союза принца Ракоци из Трансильвании с

первой его женой по имени Текели. Совсем еще ребенком отдан он был на попечение в дом последнего герцога де Медичи (Джовано Гасто – великого герцога Тосканского – последнего представителя знаменитого флорентийского рода), который обожал младенца и укладывал его на ночь в своей опочивальне. Когда же подросший Сен-Жермен узнал о том, что два его брата, сыновья принцессы Гессен-Ванфридской (Рейнфельсской), оказались подданными императора Карла VI и получили по титулу, называясь отныне Санкт-Карлом и Санкт-Элизабетом, то решил наречь себя Sanctus Germano, то есть Святым Братом. Я, конечно же, не обладаю достаточными сведениями, чтобы доказать его высокое происхождение, однако о могущественном покровительстве герцога де Медичи, оказанном Сен-Жермену, я премного осведомлен из другого источника».

Чезаре Канту, библиотекарь главного Миланского книгохранилища, имевший доступ к Миланским архивам, также сообщает в своем труде «История Италии», что Сен-Жермен был сыном принца Ракоци Трансильванского, и что ему покровительствовал последний великий герцог Тосканский из рода Медичи, который и дал Сен-Жермену хорошее образование в Сиенском университете. Сен-Жермен также слыл внебрачным сыном португальского короля либо принцессы Пфальц-Нейбургской, вдовы последнего испанского Габсбурга Карла II. Граф Карл фон Кобленц в письме от 8 апреля 1763 года к первому министру Кауницу писал: «Мне он

(Сен-Жермен) показался самым оригинальным из всех людей, которых я имел счастье знать ранее. О происхождении его я затрудняюсь говорить с уверенностью. Однако, я вполне допускаю, что он может быть отпрыском весьма известной влиятельной фамилии, по той или иной причине скрывающим свое происхождение. Обладая огромным состоянием, он довольствуется весьма малым и живет очень просто и незатейливо. Ему известны, по-видимому, все науки. И вместе с тем в нем чувствуется человек справедливый и порядочный, обладающий всеми достойными похвалы душевными качествами».

Сен-Жермен, как утверждается в Chroniques de l'Oeil de Boeuf, говорил графине де Жанлис: «Семи лет от роду я прятался в лесах, и за мою голову была назначена награда. В день моего появления на свет моя мать, которую мне так и не суждено было больше увидеть, повязала мне на руку талисман со своим портретом». Сен-Жермен, как сообщает автор, показал этот портрет собеседнице.

С 1737 по 1742 год Сен-Жермен находился в Персии при дворе Надир-шаха. Ф.В. фон Бартольд, а также Ламберг заявляли, что здесь он занимался научными исследованиями. В 1745 году, согласно письму английского писателя Хораса Уолпола (1717–1797), в Англии Сен-Жермен был арестован по подозрению в шпионаже в пользу якобитов, а затем освобожден. В газетах тех времен сообщалось о произошедшем недоразумении. Невиновность его была доказана, а по-

сле освобождения он был приглашен на обед к лорду Харрингтонскому, секретарю министерства финансов и казначею Парламента.

С 1745 по 1746 годы Сен-Жермен жил в Вене, где занимал высокое положение. Его лучшим другом был премьер-министр императора Франца I, принц Фердинанд Лобковиц. Он же познакомил его с французским маршалом Бель-Илем, посланным королем Людовиком XV с миссией к Венскому двору. Бель-Иль и пригласил Сен-Жермена посетить Париж.

Между 1750 и 1758 годами он снова не раз бывал в Вене, где занимался делами не только короля Франции, но и Карла Лотарингского. В 1757 году военным министром маршалом графом Бель-Илем был представлен великосветскому парижскому обществу. В Париже в число близких друзей Сен-Жермена входила принцесса Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская (мать российской императрицы Екатерины II), а также немецкий дипломат на датской службе барон Карл Глейхен и маркиз д'Урфе. Барон Глейхен «последовательно прельщался всеми великими чудотворцами» своего времени.

Датский посол во Франции граф фон Ведель-Фрис 24 декабря 1759 года писал своему министру: «Я не могу в точности сказать Вам, Милостивый государь, кто он в сущности такой. Его не знает никто или почти никто. Он провел здесь многие годы, оставаясь при этом неразгаданным».

Семилетняя война

В начале 1760 года граф Сен-Жермен был отправлен королем в Гаагу с секретной миссией. Барон де Гляйхен сообщает, что французский маршал Бель-Иль в разгар Семилетней войны старался заключить сепаратный договор с Англией и Пруссией и разбить тем самым альянс между Францией и Австрией, который держался на авторитете министра иностранных дел Франции – Шуазеля. Людовик XV, как и госпожа Помпадур, в тайне от Шуазеля поддержал намерения Бель-Иля посредством собственной разведки – Секрета короля, часто вступавшего в конфликт с МИД. Маршал приготовил все необходимые рекомендации. Король же лично вручил их Сен-Жермену вместе со специальным шифром.

Важным доказательством политической деятельности Сен-Жермена является дипломатическая переписка между генералом Йорком, английским представителем в Гааге, и лордом Холдернессом – в Лондоне, которая, как сообщает Купер-Оукли, находится в архивах Британского Музея. Генерал Йорк в своем письме от 14 марта 1760 года писал, что разговаривал с Сен-Жерменом о возможном заключении перемирия между Францией и Англией. На это его уполномочили Людовик XV, мадам де Помпадур и маршал Бель-Иль. В ответ лорд Холдернесс по поручению короля Великобритании Георга II сообщил, что «Сен-Жермен действительно

может оказаться уполномоченным к ведению подобных переговоров… Мы также заинтересованы в этом, ибо нам важно все то, что способствует скорейшему продвижению к желанной цели…».

Министр саксонского двора в Гааге Каудербах сообщал, что беседовал с Сен-Жерменом о причинах трудностей, постигших Францию. По словам Каудербаха, Сен-Жермен был поверенным маршала Бель-Иля, на что имел верительные письма. Сен-Жермен намеревался осуществить планы маршала и мадам Помпадур по заключению договора с Англией через посредничество Голландии, и что для этого у Сен-Жермена установлены отношения с графом Бентинком, президентом Совета Полномочных Представителей провинции Голландии. Находясь в Голландии, Сен-Жермен 11 марта 1760 года написал письмо мадам Помпадур, в котором говорил: «Вам должна быть также известна моя преданность Вам, мадам. Поэтому приказывайте, и я – к Вашим услугам. Вы можете установить в Европе мир, минуя утомительные и сложные манипуляции Конгресса…».

Французский посол в Голландии граф д'Аффри в донесениях Шуазелю писал о финансовых проектах Сен-Жермена и о том, что тот хотел добиться для Франции огромного займа. По данным П. Андремона, сумма должна была составить 30 миллионов флоринов; денежные дела, с его точки зрения, служили прикрытием дипломатических интриг.

Прусский король Фридрих II Великий заинтересовался

предложением Сен-Жермена, однако удивлялся, что послом выбран именно человек, «которого иначе как авантюристом не назовешь» (qu'on ne saurait envisager que comme aventurier). Впоследствии Фридрих писал о нем: «В Лондоне появился еще один политический феномен, которого никто не мог понять. Этот человек был хорошо известен под именем графа Сен-Жермена. Он состоял на службе у французского короля и находился в столь большой милости у Людовика XV, что тот подумывал о предоставлении ему в дар Шамборского дворца».

Проведав о миссии Сен-Жермена, Шуазель «настоял на публичном дезавуировании Сен-Жермена и высылке его из Голландии». Из письма английского генерала Йорка к лорду Холдернессу от 4 апреля 1760 года: «Герцог Шуазельский, похоже, предпринимает отчаянные попытки дискредитировать этого человека (Сен-Жермена) и помешать его вмешательствам в дела государственной важности». Из письма посла Франции в Голландии д'Аффри герцогу Шуазелю от 5 апреля 1760 года: «Если нам не удастся хоть чем-то его (Сен-Жермена) дискредитировать, то он будет весьма для нас опасен, особенно в сложившейся ситуации».

В итоге Людовик XV отменил полномочия Сен-Жермена. В официальном заявлении посла д'Аффри, опубликованном 30 апреля 1760 года, говорится, что «Его величество приказывает объявить этого авантюриста человеком, не заслуживающим доверия» (reclamer cet aventurier comme un homme

sans aveu).

Шуазель написал д'Аффри (10 мая 1760 года): «Я успел уже познакомиться в некоторых газетах с Вашим представлением против так называемого графа Сен-Жермена. Его, как мне думается, стоит поместить в какой-нибудь французской газете, чтобы эта публикация завершила нашу операцию по дискредитации авантюриста…».

Алхимия и другие проекты. Двойники и подражатели

Мадам Оссе в своих мемуарах описала случай, как Сен-Жермен по просьбе короля устранил дефект у алмаза, чем привел того в восторг. На вопросы короля «граф ничего толком не ответил. Однако он подтвердил, что умеет увеличивать жемчужины и придавать им особый блеск». Этот алмаз король оставил себе на память. Также она утверждала, что «его Величество, видимо, совсем ослеплен талантами Сен-Жермена и временами говорит о нем, словно о человеке высочайшего происхождения».

Граф Сен-Жермен писал Петру Ивановичу Панину, предлагая ему открыть секрет производства золота.

Другой знаменитый авантюрист Джакомо Казанова, соперник Сен-Жермена, которого он называл «черным» и критиковал в памфлетах, писал о Сен-Жермене: «Этот необычайный человек (Сен-Жермен), прирожденный обманщик,

безо всякого стеснения, как о чем-то само собою разумеющемся, говорил, что ему 300 лет, что он владеет панацеей от всех болезней, что у природы нет от него тайн, что он умеет плавить бриллианты и из десяти-двенадцати маленьких сделать один большой, того же веса и притом чистейшей воды».

В своих мемуарах Казанова описал случай, когда ему пришлось в последний раз встретить Сен-Жермена. Это произошло в Турне, в доме самого графа. Граф попросил у Казановы монету, тот дал ему 12 су. Бросив на нее маленькое черное зернышко, Сен-Жермен положил монету на уголь и разогрел его с помощью паяльной трубки. Спустя две минуты раскалилась и монета. Через минуту она остыла, и Сен-Жермен дал ее Казанове. «Я стал рассматривать монету. Теперь она была золотой. Я ни на миг не усомнился в том, что держал в руках свою монету <…> Сен-Жермен просто не мог незаметно подменить одну монету другой». Затем добавляет: «Та монета действительно выглядела золотой, и два месяца спустя в Берлине я продал ее фельдмаршалу Кейту, проявившему большой интерес к необычной золотой монете в 12 су».

Позже, в соответствии с мемуарами Казановы, граф предлагал ему превратить в мужчину маркизу д'Юрфе, страстно желавшую этого (и что не получилось у самого Казановы), а также вылечить Казанову от сифилиса, но тот отказался.

После всех своих заявлений Казанова добавляет: «Как ни странно, как будто помимо моей воли, безотчетно граф

изумляет меня, ему удалось меня поразить…».

В 1759–1760 годах Сен-Жермен обращался к мадам де Помпадур и датскому королю Фредерику V с рядом проектов, где предлагал соорудить непотопляемый быстроходный корабль без парусов и безоткатное скорострельное орудие, которым сможет управлять один человек: «Великие знания позволяют мне творить великие дела. Я совершенно свободен и совершенно независим; но добродетельный и любезный Король Датский своими истинно королевскими добродетелями покорил меня. Я страстно желаю полезно и чудесно служить ему. Среди прочих великих предприятий, которые я задумал для него, я обещаю отправить его королевский стяг на семипушечном адмиральском корабле в Восточную Индию за месяц или даже скорее, не усложняя конструкцию судна, которому не будут страшны ни опасности, ни обыкновенные морские невзгоды… и самое чудесное, что на нем не будет мачт, кроме дозорной, ни парусов, ни матросов, ибо любой человек будет годен для этой чудесной и новой навигации. Я обогатил это удивительное изобретение пушкой, которая не дает отдачи и потому не нуждается в лафете на колесах, которая стреляет в десять раз быстрее, чем любая другая, за тот же промежуток времени, которая не разогревается вовсе, которая прицельным выстрелом надвое расщепляет веревку или волос, и обслуживать которую может один человек с удивительной быстротой; к тому же она стреляет дальше, занимает очень мало места и другими великими

преимуществами обладает».

В сопровождающей это послание переписке датский посол фон Ведель-Фрис и министр иностранных дел фон Бернсторф замечали: «его проекты показались мне столь обширными, чтобы не сказать парадоксальными, что я хотел избавиться от него, но настойчивые его просьбы принудили меня уступить…» и: «мы, Милостивый государь, не ценим любителей тайн и проектов; как нам представляется, честь Короля настоятельно требует, чтобы публика не подумала, что Его Величество приближает к себе подобных людей…».

Из «Мемуаров» Казановы: «Граф предоставлял дамам притирания и косметику, которые делали их краше. Сен-Жермен не вселял в них надежду на омоложение, скромно признавая здесь свое бессилие, но обещал, что они хорошо сохранятся благодаря его настою».

По воспоминаниям барона Глейхена, Сен-Жермен рассказывал о Франциске I с подробностями, которые мог знать только очевидец, и, заворожив слушателей, проговаривался: «И тут я сказал ему…».

В это же время у Сен-Жермена появились в Париже подражатели и «двойники».

Некий парижский повеса, известный как «милорд Гауэр», был неподражаемым мимом и шатался по парижским салонам, выдавая себя за Сен-Жермена, естественно сильно окарикатуренного. Однако, многими людьми эта потешная фигура воспринималась за настоящего Сен-Жермена.

Из воспоминаний барона Глейхена: «Выдумывались и второстепенные персонажи, например, старый слуга графа. Кардинал де Роан как-то услышал рассказ об ужине у Понтия Пилата, обращаясь к камердинеру «Сен-Жермена», вернее, к тому, кто выдавал себя за него, спросил правда ли это. На что тот ответил: «О нет, монсеньор, это было еще до меня. Ведь я служу г-ну графу всего 400 лет…».

1 января 1760 года некто «Золтыкоф Альтенклинген», «швейцарский дворянин, по крови московит», отправил из Амстердама императрице Елизавете Петровне письмо на французском языке с предложением открыть в России мыловарные фабрики и исцелять все болезни при помощи тайного знания и алхимии. Он также предлагал увеличить доходы государства на 10 миллионов. Не лишено вероятности, что это письмо написано агентом или подражателем направлявшегося в это время в Амстердам Сен-Жермена, который также называл себя графом Салтыковым. Из одних только этих фактов становится ясно, что авантюризм в век Разума превратился в какое-то массовое помешательство.

Сен-Жермен и тайные общества

Дешан говорит о Сен-Жермене как о тамплиере. Сообщается также и о том, что Калиостро получил посвящение в рыцари тамплиеров от Сен-Жермена. Скандал вокруг Калиостро и ожерелья королевы в 1785 году привлек внимание

к Сен-Жермену как к «крестному отцу» итальянского авантюриста: памфлетисты изображали масонскую, плутовскую и даже сексуальную инициацию Калиостро Сен-Жерменом и приписывали Сен-Жермену место в целой династии авантюристов, идущей с начала XVII века. Согласно Каде Сен-Жермен являлся странствующим тамплиером, путешествовавшим от ложи к ложе с целью установления и укрепления между ними духовных связей. Эпизоды своих легенд он заимствовал из агиографии розенкрейцеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.